

Алекс Миро

Озеро: воскресшие

18+

Человечество погружается в
виртуальную реальность...
пока Земля погружается
в океан

*Серия:
двуеточие*

Алекс Миро

Озеро: воскресшие

«Автор»

2021

Алекс Мирó

Озеро: воскресшие / Алекс Мирó — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-96033-6

Вторая книга серии «Двоеточие». Ирландия, 2073 год. Человечество стоит на пороге гибели: битва с глобальным потеплением проиграна, океаны выходят из берегов. Технологии развиваются стремительно, особенно виртуальная реальность. Она способна на все – даже вернуть людям их умерших близких. Но некоторые из воскресших не так безобидны, как кажется. Гениальный программист Райан О’Коннелл пойдет на все ради своих амбиций, его попытка сыграть в Бога и воскресить мертвых сломает много судеб. История слепого тщеславия, хладнокровного убийства и любви длиною в жизнь разворачивается за месяц до глобальной катастрофы, когда земле суждено погрузиться в океан.

ISBN 978-5-532-96033-6

© Алекс Мирó, 2021

© Автор, 2021

Содержание

Шкаф с ружьями	6
Воскрешение Евы	13
Спрятанная среди вереска	20
Через пустыню	28
Поляна светлячков	36
Лезвие гильотины	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алекс Миро

Озеро: воскресшие

Люди страдают. Люди умирают. Целые экосистемы рушатся.

Мы находимся в начале массового вымирания,

и все, о чем вы можете говорить,

это деньги и сказки о вечном

экономическом росте.

Как вы смеете!

Г. Тунберг

Шкаф с ружьями

Вокруг было только озеро, усеянное мелкой рябью. Озябшее под промозглым ветром, оно покрылось гусиной кожей. Весельная лодка стояла на месте, раскачивалась из стороны в сторону. Что-то ударилось о днище, легко, едва заметно. Под левым бортом в ледяной воде тенью проскользнул рыбий хвост. «Их здесь видимо-невидимо», – подумала Мэри, зачерпывая воду ладонью.

– Тебе придется сплывать на разведку.

От раздавшегося за спиной голоса ей стало страшно. Она догадалась, что сейчас будет.

Еще секунда, и вода поглотила ее. Холод сковал легкие, надавил на грудь, сердце замерло так надолго, что казалось, не забьется снова. Озеро было чистым, прозрачным, будто смотришь через омытое дождем стекло. Вверху – тяжелая громада серых облаков. Лодка была так близко, стоило только протянуть руку, но на корме маячила все та же тень. Она изрыгала смех, источала злобу, исходила издевательствами. Тень все росла и росла, пока не заслонила собой небо.

Мимо проплыла крупная рыба. Она посмотрела на Мэри прозрачным невыразительным глазом, открыла рот – сквозь ее губу, разрывая плоть, торчал крючок. Мэри потянулась к рыбе, но та уже исчезла, затерялась среди длинных водорослей. Неба больше не было видно, до дна оставалось еще немного. Водоросли гладили тело Мэри, обвивали ей ноги, поворачивали лицом вниз, чтобы она могла насладиться падением в тишину, из которой уже не выплывет. Но ее слух вдруг уловил протяжный рев сирены. Может, так барабанные перепонки реагируют на давление воды? Вой все нарастал, монотонный, нота за нотой. И тут ужас овладел Мэри. Она начала истошно биться, пыталась всплыть, но тело уже не слушалось. Движения неловкие, как у жучка, свалившегося в воду. Наконец рев в ушах стал невыносимым, и пузыри воздуха метнулись к поверхности – Мэри закричала.

Она села на постели. Полумрак вокруг постепенно, один за одним, открывал перед ней контуры предметов в спальне. Черным прямоугольником восстал тяжелый дубовый шкаф, от стены отделилась кирпичная громада камина, проявились витые опоры балдахина, тянущиеся к потолку.

Звук сирены раздавался, казалось, со всех сторон и был более чем реален. Мэри, вся обращенная в слух, выглянула за дверь, – в длинном коридоре никого, только занавеска одного из окон парусом раздувается на ветру. Она закрыла за собой массивную дверь и, осторожно ступая по ковру, свернула в тупик, туда, где за гобеленом пряталась низкая потайная дверь. Крутая винтовая лестница вела прямоком на первый этаж. Десяток слепых поворотов, за каждым из которых можно было неожиданно наткнуться на кого-нибудь. Но здесь они появлялись редко – Замок был большим, а воскресших еще очень мало.

Войдя в просторную кухню, Мэри остановилась у разделочного стола. Четверка стояла у ящика с инструментами, перед ней в стене зияла глубокая дыра.

– Это наша озерная сирена? – обеспокоенно спросила Мэри Четверку.

– Нет. Это сигнал атлантического барьера, в бухте Кастлемаин. Один из «Моисеев» поднял тревогу, океан вышел на километр вглубь суши. Идут спасательные работы, – отчиталась Четверка. В последние месяцы андрюиды получали информацию о наводнениях первыми, чтобы в случае опасности эвакуировать хозяев из зоны затопления.

– Атлантические барьеры подняли на семьдесят пять градусов на прошлой неделе. Скоро поднимут на девяносто. В Дублине вчера прорвало дамбу, – Мэри задумалась. – Как считаешь, это конец?

– Конец чему? – переспросила Четверка. У нее имелось несколько вариантов ответа в зависимости от того, что все-таки имела в виду Мэри.

– Человечеству, – уточнила Мэри, но Четверка только покачала головой.

– У меня нет данных по этому вопросу, – ответила она.

Мэри села на высокий трехногий табурет, оглядела открытые полки: банки со специями, продуктовые картриджи с ингредиентами для пищевого принтера, коробки с сушеными фруктами. Она искала глазами бутылку виски.

– А что, собственно, ты делаешь? – спросила Мэри, когда Четверка отогнула указательный палец, выкрутила его из сустава и на его место вставила отвертку из ящика с инструментами.

– Я монтирую еще две фотоловушки. Мы должны всегда знать, кто ходит по дому и что делает.

– Думаешь, кто-то из воскресших позарится на продукты в холодильнике? – усмехнулась Мэри. – Это физически невозможно. – Дотянувшись до верхней полки, Мэри достала бутылку виски.

– Тушеный цыпленок и твой шоколадный пудинг в безопасности. Но Райан хочет иметь полную сводку данных на каждого из воскресших: когда и что они делали, где появлялись.

– Ладно, ставь свои фотоловушки. Кстати, а где сам Райан?

– Когда я последний раз была в крипте, Райан работал над программой, – ответила Четверка. – Проведаешь его?

– Нет. Выпью, а потом пойду спать. Завтра новая экстракция. Мне нужен сменщик. Вот бы ты могла поработать с добровольцами вместо меня!

– Мне они ничего не расскажут. Я андроид. Откровенничать со мной – все равно что распинаться перед бездушным валуном, – сказала Четверка, сняла левую руку и аккуратно положила возле себя, прикрутив на ее место бур с массивным сверлом. С громким жужжанием сверло вгрызлось в камень стены, размолв его в труху. Четверка вставила еще одну фотокамеру в отверстие и зафиксировала ее карабином.

– Для меня ты – часть нашей семьи, – мягко сказала Мэри.

– Но весь остальной мир думает о таких, как я, по-другому. – Четверка была бесстрашна, словно говорила о погоде.

– Значит, весь мир не прав.

Мэри осмотрела бутылку:

– Двадцать один год выдержки, но совсем не мой вкус, – поморщившись, она отставила стакан. – Ты закончила на сегодня? Проводи меня обратно в спальню. Не хочу идти одна.

Они вышли в холл на первом этаже Замка. Под хрустальным канделябром, спускающимся с высокого потолка, Четверка остановилась. В ее глазах загорелся красный огонек. На секунду ее лицо обрело выражение, похожее на растерянность.

– Райан в крипте. Он правит коды, и система предупреждает о пятой ошибке за ночь. Мне нужно помочь ему.

– Все-таки побудь со мной немного, – попросила Мэри.

Четверка посмотрела на нее, губы дернулись, но она промолчала. Мэри удивилась.

– Так делают люди, когда хотят что-то сказать, но не решаются, – Мэри смотрела на Четверку во все глаза. – У тебя нет ошибок?

– Тебе показалось, – строго отозвалась Четверка. – Подобные ошибки давно исправлены. Андроиды не копируют эмоции людей.

– Прости, я тебя не обвиняю, – сказала Мэри примирительно.

Четверка промолчала и на этот раз. Мэри подумала, что слишком привыкла к ней и надеяется ее чертами, которых никак не может быть у этого андроида. Просто игра воображения, не более.

Они не стали зажигать свет – Замок спал и видел свои мрачные сны: что-то вздрагивало, где-то сыпалась штукатурка, откуда-то доносился неразборчивый шепот. По широкой парадной лестнице они поднимались на второй этаж. Деревянные половицы скрипели, отдавались

гулким эхом по всему холлу. Тяжелые шаги андроида и шуршание тапочек Мэри вплетались в мелодию ночи: звуки просачивались снаружи и рождались внутри старых стен.

Мэри показалось, что Замок пуст. В любую другую ночь за полчаса, проведенные ею на первом этаже, она встретила бы пару-тройку воскресших. Но сейчас ни шагов, ни смеха, ни разговоров не было слышно. Только за окном свистел ветер, и луна окончательно скрылась за тучами.

Они свернули в коридор на втором этаже. Сквозняк промчался, задев оголенные ноги Мэри, и скрылся за поворотом. Четверка посмотрела в окно. В тусклом свете флуоресцентного клевера, рассаженного вдоль дорожек, шевелились человеческие тени.

– Все воскресшие собрались в саду. – Мэри стояла подле Четверки, касаясь ее плечом. – Посмотри, как они прекрасны. Иногда я думаю, что будет, если они вдруг выйдут за пределы сада?

– Будет жуткий скандал. Пресса сотрет Райана в порошок.

– «Воскресшие сбежали из Замка и топчут вересковые пустоши Килларни», представляешь? – Мэри усмехнулась. – Хотя красиво, конечно. Загадочно...

Опершись локтями о подоконник, Мэри всматривалась в едва различимые силуэты, вслушивалась в тихие голоса. Декабрь в Ирландии был по-летнему теплым. Ветер трепал сочные травы на полях, налетал на Замок, лупил его по серым бокам стен, ломился в высокие окна, искал скрытые от глаз мышинные норы и кротовьи лазы, через которые мог бы прорваться внутрь и навести в Замке свой порядок. И найдя, например, открытое окно, победно лютовал, свистел разбойничьим свистом и кружил флюгера на башнях. Но даже он, натываясь на воскресших, старался обойти их стороной, не задев, словно боялся дотронуться до тех, кому не было места на этой земле.

Четверка первая вошла в спальню, щелкнула выключателем, и яркие лампы, разгоняющие эфемерный страх хозяйки, озарили каждый уголок.

– Здесь никого нет, можешь спокойно спать, – произнесла андроид.

– Спасибо, что терпишь мои ночные приступы паники и говоришь со мной, – сказала Мэри, закутываясь в одеяло.

– Это заложено в моих паттернах поведения, – равнодушно ответила Четверка. – Утром я приготовлю тебе завтрак.

– Спроси у Райана, может, позавтракаем втроем? Ты, я и он?

– Хорошо. Если успею сделать все дела за ночь, составлю вам компанию за столом, – ответила Четверка и, выходя, погасила свет.

Замок завораживал Мэри множеством звуков: шуршание, скрежет, шепот и лязг. Всякий раз она закрывала глаза и пыталась представить себе, что могло издавать их, но редко находила ответ в своем воображении. В грузных облаках образовался просвет, и луна взглянула на землю любопытным белым глазом. Она увидела молодую женщину по имени Мэри, бледную, хрупкую, с копной рыжих волос. И женщина посмотрела на нее в ответ. Смутившись, глаз луны снова спрятался за тучами.

По черепице на крыше застучали торопливые шаги. Мэри приподнялась, наострив слух. Видимо, это была белка, хотя они редко забирались так высоко. Стук лапок стих так же неожиданно, как и появился. Вдруг за окном загрохотало, что-то упало на подоконник, ударившись о стекло. Мэри вскрикнула. Просто кусок черепицы соскользнул со ската. Но Мэри поняла, что не одна вскрикнула в темноте.

– Белки скоро тут все разнесут, – мужской голос раздался в дальнем углу спальни за шторой. – А мне не к лицу пугаться грызунов.

Мэри забилась в угол кровати, под балдахин. Пожилой сутулый мужчина неторопливо пересек комнату, встал спиной к окну и, покачиваясь взад и вперед на носках, холодно смотрел на Мэри, ничуть не тревожась тем, что напугал ее.

– Черт возьми, мистер Эштон... – выдохнула Мэри, узнав его.

– Добрый вечер, мисс Филлипс.

Мужчина подошел ближе к Мэри.

Линда, жена мистера Эштона, говорила, что ее муж при жизни был милейшим шутником, при этом он и мухи не обидел. Мэри готова была вздохнуть с облегчением, тем более что никто из воскресших не мог никаким образом навредить хозяевам Замка. Запрет был изначально заложен в их кодах. Но, взглянув на лицо «милейшего шутника», она почему-то занервничала.

– Что вы делаете в моей спальне? Идите в сад, сегодня там будет весело. Райан обещал запустить станцию виртуальной реальности. Поиграете с остальными.

Мистер Эштон задумался, провел пальцем по щеке.

– Не вам указывать мне, что делать, мисс Мэри. Вы плохо воспитаны, – ответил он, пристально глядя на нее. – Я, пожалуй, останусь здесь, с вами, – посмотрю, как вы спите. Ложитесь обратно в постель, да поживее.

Эштон провоцировал ее. Его усмешка, циничный блеск его глаз говорили об этом красноречивее всяких слов. От пожилого улыбчивого джентльмена, воспроизведенного в крипте его женой, не осталось и следа. Этот был агрессивен. Ничего подобного не могло быть! Или же...

Мэри протянула руку к столику, но телефона там не было.

– Я вызову Четверку, и она выведет вас отсюда, – сказала Мэри, не подумав. Угрожать Эштону было большой ошибкой.

– Ладно, – Эштон разочарованно вздохнул, подошел к двери и уже взялся за ручку, но вдруг обернулся. – Или нет? А что, если мне преподать тебе урок вежливости?

– Да пропади ты пропадом, – испуганно проговорила Мэри, пятась по кровати.

Быстро обогнув лакированный столик, мужчина ловко отодвинул с дороги массивное кресло.

– Я не позволю какой-то сучке собой распоряжаться. Ты как она, как Линда, такая же зазнайка, чертова высокомерная дура. Я тебе не марионетка, которую можно дергать за ниточки!

Эштон навис над Мэри, и она вдруг увидела того, кем он был на самом деле, – престарелого ублюдка, готового распустить руки. Он смотрел в глаза Мэри. Сжатые губы, немигающий взгляд – он казался ей помешанным, готовым во что бы то ни стало причинить ей вред. И куда делся этот чертов телефон?!

– С вами нельзя иначе! Дрессировать и воспитывать – вот секрет общения с женщиной!

Мэри закричала что есть сил и бросилась напрямик через широкую постель, но запуталась ступней во всклокоченном одеяле, повалилась на пол, едва успев выставить вперед руки. Эштон одним скачком настиг Мэри, застывшую на полу от ужаса. Он схватил ее за волосы, она почувствовала легкое электрическое покалывание, по ее телу пробежали мурашки.

– Сейчас я преподам тебе урок, чертова сучка, – прошипел Эштон.

Он поволок Мэри вон из комнаты. Она кричала, но Четверка не слышала зова о помощи – видимо, ушла к Райану в подземную крипту. Мэри казалось, Эштон вот-вот вырвет ей волосы. Боль и страх, страх и боль, так Эштон поступал с женщинами, которых ненавидел. Он тащил брыкающуюся Мэри по коридору, подол ее ночной сорочки зацепился за выступ порога, порвался, на ноге появилась кровь. Эштон был силен, несмотря на преклонный возраст. Мэри совершала одну глупость за другой: она то хватала Эштона за руки и царапала их ногтями, не нанося ему никакого вреда, то начинала кричать и умолять его, не понимая, что его это только распаляет. Зажмурившись, Мэри перестала извиваться, ей нужно было подумать. Чего он от нее хочет?

– Мистер Эштон, простите меня! – закричала Мэри отчаянно.

Мужчина остановился. Неужели все было так просто?

– Этого недостаточно, – холодно сказал Эштон. Он наклонился, взял Мэри за подбородок – ей пришлось посмотреть ему в глаза.

– Я не должна была унижать вас, – пролепетала Мэри.

Она почти окаменела от ужаса, с трудом выговаривала слова и сама не понимала, зачем вообще говорит ему все это, но страх заставлял ее действовать.

– Мне очень жаль, вы достойны всяческого уважения.

Эштон злобно усмехнулся. Похоже, в такие минуты все женщины ведут себя примерно одинаково, и теперь Мэри казалось, что она и Линда стали одним целым, жертвами, чья жизнь зависела от прихоти того, кто волочет их, беспомощных, по полу. Мэри надеялась, что он вот-вот отпустит ее и все наконец закончится. Но безумный старик только начал играть с ней в кошки-мышки.

– Иди, детка, – сказал он спокойно и разжал пальцы.

Мэри встала, ноги подгибались, ее всю трясло, как в лихорадке. Боясь повернуться к нему спиной, она попятилась к парадной лестнице, чтобы спуститься на первый этаж, выскочить на улицу и позвать Четверку или Райана. И тут Эштон начал свистеть. Он смотрел на нее, не моргая. В его глазах был азарт, веселье, словно он готовился начать охоту. Мэри нащупала рукой деревянные перила, повернулась и бросилась вниз по лестнице. Она подворачивала ноги, но не замечала боли. На нижних ступенях Мэри обернулась. Эштон стоял наверху, нацелив на нее охотничье ружье. И ее нога соскользнула со ступени. Через секунду Мэри уже летела, беспомощно хватая руками воздух, не находя опоры, и с силой ударилась головой об пол. Ей показалось, что череп вот-вот расколется надвое. В глазах потемнело, и последнее, что она услышала, были тяжелые быстрые шаги Четверки, спешившей к ней на помощь.

Пару раз Мэри приподнимала веки, но все вокруг плыло и кружилось. Ее размеренно покачивало – Четверка несла ее на руках, и походка андроида была на удивление плавной. А потом она провалилась в темноту, ту самую, озерную, беспросветную, сквозь которую не просачивается ни единый луч света.

Как обычно, за ночь Четверка успела прибраться и накрыть к завтраку длинный дубовый стол в гостиной. Несмотря на пасмурный день, здесь было по-своему уютно: на столиках и комодах стояли вазы с живыми цветами, в тарелках дымились каша, под колпаками на блюдах прятались яичница и бобы. Четверка успела распечатать на пищевом принтере картофельные оладьи.

Ни у кого из присутствующих не было желания завтракать. Райан был вне себя от злости, Мэри чувствовала себя уставшей и разбитой. Только Четверка была абсолютно невозмутима, она сидела на своем стуле, через спинку которого был протянут кабель зарядного устройства.

– Я уже избавилась от Эштона, можешь не волноваться, Мэри, – произнесла Четверка.

– Как такое вообще могло случиться? Воскресшие не могут причинить нам вреда, ни при каких обстоятельствах. Разве нет? – Мэри внимательно посмотрела на Райана, но тот отвел глаза.

– Вчера я дал маху. Продолжал апрувить невалидные коды. Даже не задумался, почему ошибки возникают снова и снова. Код, допускающий проявление агрессии, вот что это было. Теперь я понимаю. Нужно было перепроверить настройки воскресших еще раз, – ответил он быстро. – Вопрос в другом, зачем Линде понадобилось воскрешать этого ублюдка?

– Может, хотела убить его еще раз, – предположила Четверка.

Мэри и Райан насторожились. Андроид не могла разбрасываться подобными обвинениями.

– Я проанализировала язык ее тела во время экстракции. Она до смерти боялась мужа. Он погиб двадцать лет назад от случайной, но меткой ружейной пули на вылазке шотландского охотничьего клуба. Больше сотни участников – неудивительно, что виновного так и не нашли. Списали на случайный выстрел. Линда была безутешна. Тем не менее в моей базе с десятков интервью, где она противоречит сама себе.

– Может, стоит сообщить в полицию? – сказала Мэри.

Райан задумался.

– Не надо, репутация Замка будет под угрозой. Мы не можем сдавать наших добровольцев. Оставим все как есть. Но ноги Линды здесь больше не будет!

В саду раздался смех, несколько голосов говорили одновременно. Ветер принес в гостиную медовый запах вереска с пустоши.

– Прости, что не прислушался к тебе, Четверка. Ты предупреждала, что Линда не договаривает что-то важное, а я не поверил, – голос у Райана был сухим, резким. Он терпеть не мог признавать свою неправоту.

– Так ты знал?! – оживилась Мэри.

От нахлынувшего гнева она резко встала, задела рукой покачнувшийся стакан сока.

– Ты был так самонадеян, что не послушал Четверку? Она же не ошибается! Так это ты во всем... – Мэри осеклась. Закончить эту фразу было бы несправедливо. Самоуверенности Райана не было предела, и она считала эту особенность его характера чем-то вроде болезни, в которой он не виноват.

– Во-первых, Четверка просто предположила, что Линда утаивает ту часть воспоминаний, которую она не хотела показывать нам на сеансе. Однако экстрактор памяти все равно извлек их. Ну и во-вторых, нам-то какая разница, будь он хоть Джеком Потрошителем! Даже у меня нет доступа к исходным кодам, которые могли бы нарушить непреложные правила воскресших и дать им возможность навредить людям. Я до сих пор не знаю, как это могло произойти, – раздраженно ответил Райан.

– Я могу пройтись по твоим правкам... – предложила Четверка.

– Я запрещаю! – прозвучало грубо, слишком резко для Райана, он никогда не говорил так со своим андроидом.

– Что бы там ни было, я связалась с Линдой и запретила ей отныне появляться в Замке, – спокойно доложила Четверка.

– Кстати, откуда Эштон взял ружье? – Райан мерял шагами гостиную, то и дело присаживался к столу, чтобы ухватить кусочек яичницы, но еда не лезла в горло.

– В стеклянном шкафу возле библиотеки – из охотничьей коллекции. Но ружья давно не заряжали, патронов внутри не было. Мэри ничто не угрожало, – добавила Четверка так, словно беспокоиться о направленном в лицо Мэри черном дуле было нелепо.

– Я волнуюсь только о том, что был так невнимателен, – Райан ласково посмотрел на Мэри, на секунду сжал ее руку. – Обещаю, больше такого не повторится.

И снова Мэри уловила в его тоне ту бескомпромиссную уверенность, которой на этот раз было уже недостаточно, чтобы успокоить ее.

– Ничего, я в порядке. Хорошо, что Эштон не схватился за нож. Ножи мы точим регулярно, – Мэри помотала головой, будто стряхивала жуткое наваждение. – Теперь мы поняли главное – невозможно предсказать, кто из воскресших на что способен. Я больше не чувствую себя в безопасности.

Она выпила только чашку кофе, едва прикоснулась к оладьям, но уже отодвинула тарелку. Место ушиба на голове все еще болело, легкое головокружение напоминало Мэри о том, что произошло ночью.

– Мы никогда не были в безопасности здесь. Иногда мне кажется, что даже стены нас ненавидят. – Райан вздохнул.

– У нас сегодня назначена экстракция? – спросил он, сменив тему, потрогал кофейник ладонью и наполнил чашку Мэри до краев.

– Да. – Четверка сверилась с расписанием в своей памяти. Когда она пользовалась банком данных, пара красных огоньков загоралась в ее освобожденной от искусственной кожи части черепа.

Мэри посмотрела на Четверку. Андроиды первой серии были очень красивыми. Таких перестали делать много лет назад, чтобы у людей не возникало излишних чувств к этим физически совершенным созданиям. Согласно требованиям нового закона, Райану пришлось оголить Четверке фрагмент затылка, снять кусок нежной бионической кожи, чтобы стали видны платы и процессоры под защитным прозрачным пластиком, заменявшим Четверке черепную коробку. После процедуры андроид долго сидела неподвижно и смотрела на себя в зеркало. Райан и Мэри не стали ее тревожить, только переглянулись и пошли прочь, каждый по своим делам, но у обоих на глаза наворачивались слезы жалости.

Они с Четверкой никогда больше не вспоминали тот день, словно она так и сошла с конвейера – длинная, крепкая, идеальная, вечно молодая и стройная, только без единого волоска на голове и с оголенным «мозгом».

– Если хочешь, я могу отменить сеанс, – предложил Райан, глядя на усталую Мэри с синяками под глазами.

– Спасибо за заботу, – она с трудом улыбнулась. – Но мы не можем отказать добровольцу накануне сеанса. Она ждала, готовилась, сходит с ума от волнения.

Райан только пожал плечами, досадуя, что, как обычно, Мэри ставит интересы добровольцев превыше собственных.

Четверка отключилась от источника питания, потянулась, похрустела суставами пальцев. Так она сигнализировала, что полностью заряжена и готова к работе.

Втроем они вышли в сад через открытые настежь стеклянные двери гостиной. Погода разгулялась. Декабрь в Ирландии выдался теплым, даже жарким. Несмотря на усилия экологов, времена года по всему миру будто застряли на одном месте, не желая сменяться. И так несколько лет подряд. Где-то наступила вечная раскаленная засуха, где-то шли проливные дожди и вышедшие из берегов реки и озера затапливали целые города, уничтожая все в своих буйных потоках. Но Ирландии повезло: нескончаемое лето – правда, начисто лишённое осадков, – царствовало над островом и не желало сдавать позиции.

Воскрешение Евы

Райан посмотрел на часы, прядь темных с проседью волос упала ему на лоб.

– Пора готовить оборудование. Четверка, встретить добровольца у ворот и проводи в крипту.

Они шли через перелесок. В ветвях деревьев играли в прятки ослепительные солнечные зайчики. Мэри едва ли пару раз за месяц накинула на плечи кофту, а Райан уже полгода носил майки, от чего на его руках появилась россыпь веснушек. Оба мечтали, чтобы в этом году зима все-таки заглянула в Ирландию, хоть на денек, но надежды было мало.

На мосту через почти высохший ручей стоял Акира Ито.

– Что читаешь? – спросил Райан, глядя на книгу в его руках.

– «Посох времени» Чинито Морелло, когда-то он вдохновлял меня до безумия. Или на безумия... Как посмотреть. Ему я посвятил пару глав своей книги.

– Это я помню, – мечтательно покачал головой Райан. – «Опаленные стога сена циферблатами разлеглись под раскаленным небом».

Теперь они оба, свесившись с перил мостика, смотрели на тощий, но живучий ручеек.

– У тебя в библиотеке все романы, которые я успел написать, – с благодарностью сказал Акира. Он поправил галстук с хаотично разбросанными разноцветными пятнами краски: зеленой, синей, желтой. Тяжелый перстень с черепом смотрел ввысь пустыми глазницами, – матовое серебро, почерневшее, мрачное, на длинном пальце молодого знаменитого писателя.

– Последние печатные экземпляры, купленные до запрета на бумажные издания, – кивнул Райан.

– Сколько тебе было, когда ты прочел мою «Меланхолию соития»?

– Шестнадцать, – признался Райан.

– Ух! Надеюсь, я не покалечил твою юную психику? – засмеялся Акира.

– Нет, но добавил пару эротических снов в мою подростковую копилку. А, Мэри?

Они оба повернулись к Мэри. Она их почти не слушала – книги были ей мало интересны. Но Акира Ито ее поражал – он был особенным, весь, до кончика ухоженной остроконечной бородки.

– Райан только и говорил о тебе, за завтраком, обедом и ужином, – вздохнула Мэри. – Мне даже не пришлось читать твой роман, я и так все о нем знала.

– В те дни тебе было шестнадцать, мне двадцать пять. Мне и сейчас столько же, а ты теперь намного меня старше. Если бы я мог предположить нечто подобное, написал бы об этом, – сказал Акира.

Когда Райан и Мэри оставили его на мосту, Акира поправлял красный платок в нагрудном кармане жилетки, глубоко о чем-то задумавшись.

Они поднялись на холм, с которого за деревьями были видны высокие башни Замка. Райан достал планшет, отсканировал подкожный чип на запястье, и часть зеленого дерна отъехала в сторону, обнажив стальную дверь. Как обычно, Райан первым спустился в крипту по узкой железной лестнице. Мэри вошла следом. В проходе над их головами одна за другой зажигались лампы, озаряя путь вниз, глубоко под землю. Ровно сорок ступеней. Каждый раз Мэри пересчитывала их все. Эта привычка казалась Райану забавной игрой, но Мэри знала: считая ступени, она просто успокаивает себя перед встречей с очередным добровольцем.

Колонны поддерживали высокий сводчатый потолок, десяток светильников наполняли зал светом. У дальней стены крипты стояла панель управления с тремя виртуальными мониторами, проекцией клавиатуры и вращающимся рабочим стулом. Посреди зала, на возвышении, царствовало белое кресло экстракции: отрегулированное в полулежачее положение, будто памятник на постаменте, оно было главным. Вне всяких сомнений.

– Доброволец только что подъехал. Я открою ворота. – Динамики коммутатора заговорили голосом Четверки.

Райан проверял оборудование: виртуальные мониторы запестрели вереницами цифр и кодов. Все было готово.

Мэри заняла свое место возле белого кресла, прикрыла глаза, глубоко дышала. Сегодня ей было не по себе. Впервые за все время работы с добровольцами она осознала, что их воскресшие могут быть не так безобидны, как кажется. Ночная история с Эштоном все еще будоражила память яркими, пугающими всполохами. Она посмотрела на вторую дверь, через которую входили добровольцы. Дверь вела прямо к выходу с территории Замка, к воротам, чтобы добровольцы могли зайти в крипту, минуя сам Замок и сад.

Никому из посторонних Райан не позволял появляться на своих землях и тем более смотреть на живущих там воскресших до тех пор, пока его проект не будет полностью завершен. Увиденное вряд ли могло уложиться в голове непосвященного. Место, населенное давно ушедшими в мир иной людьми, чем бы они сейчас ни были, – это зрелище не для слабонервных.

Райан делил добровольцев на две психологические группы. Одни были уверены в своей правоте и необходимости того, что собираются совершить. Ждали дня, часа, когда наконец смогут сесть в кресло экстракции памяти и снова увидеть потерянного навеки человека, ощутить его присутствие. Другие же, наоборот, боялись. Добровольцам этого типа казалось, что они нарушают естественные и божественные законы, взламывают основы бытия, чтобы поставить их с ног на голову. Страх путал их воспоминания, сбивал коды, встряхивал верные алгоритмы и выворачивал их наизнанку.

Женщина, что вошла в зал, робко озиралась по сторонам. Увидев белое кресло, она едва заметно вздрогнула и застыла на месте, не решаясь сделать шаг к постаменту. Второй тип. В таких случаях Мэри была незаменима.

– Добро пожаловать, Анетта.

Мэри подошла к ней и уверенно протянула руку, приглашая, успокаивая, всем своим видом показывая, что все будет хорошо.

Четверка стояла за спиной добровольца, ее сосредоточенный взгляд казался застывшим. Она просматривала на внутренних мониторах файлы и скачивала программы, необходимые Райану для настроек.

Анетта опустила глаза, она явно хотела что-то сказать, но еще не решилась.

– Прошу вас, не стесняйтесь спрашивать, – попросила Мэри.

Взяв Анетту под руку, она подвела ее к креслу экстракции, помогла сесть поудобнее. Женщина слегка улыбнулась, посмотрела вокруг с интересом.

– Я так много читала о вашем проекте, – сказала Анетта, повернувшись к Райану. – Если у вас все получится, кажется, вы создадите рай на Земле.

Ее голос разносился по крипте, отдаваясь легким эхом от белых стен.

– До сих пор не могу поверить, что я здесь. Это приглашение в Замок... Я бросила работу, мужа, взяла билет на самолет и на следующий день была в Дублине.

– На следующий день? Мы ждали вас неделю, – удивилась Мэри.

– Еще бы! В Дублине я вдруг запаниковала: что, если я не имею права, что, если мой воскресший будет страдать? Дорога до Килларни заняла у меня так много времени... Я останавливалась на каждом перекрестке, в каждом отеле по пути, просто сидела и думала, не совершу ли я преступление, приехав в Замок?

Не теряя времени, Мэри надевала нейронный дешифратор на голову Анетты. Райан создал его специально для программы воскресения – шлем декодировал мыслительные процессы человека в понятные компьютерам символы и отсылал прямо к серверу.

Повернувшись к женщине вполборота, не особенно прислушиваясь, Райан просматривал входящие от Четверки данные. Сама же андроид стояла как вкопанная у входа, все еще

занятая внутренними программными процессами. Но Анетта ничего не замечала, она говорила словно сама с собой, то ли ободряя себя, то ли оправдываясь за смелость быть здесь.

– Но сегодня утром с дороги я увидела башни Замка. Не смогла сказать себе «нет».

Женщина молитвенно сложила руки, привстала.

– Мистер О’Коннелл, мисс Мэри, пообещайте, что моя дочь ни на секунду не испытает те боль и ужас, которые были с ней в ее последние минуты. Поклянитесь мне!

В таких случаях Райан предоставлял слово Мэри, а сам отводил глаза, поворачивался к мониторам. Ему нравилось, как спокойно Мэри говорит с растерянным добровольцем, как расставляет все точки над «i», как поток ее мягкого голоса уносит прочь страх и сомнения. Вскоре Мэри, как обычно, сказала «мы готовы», и Четверка, подсоединившись к серверу, дала старт процессу экстракции памяти.

Свет в крипте погас, только пара ламп горела над приборной панелью, едва рассеивая тьму, превращая ее в уютный полумрак. Анетта крепко сжала подлокотники кресла. Она все еще страшилась того, что будет дальше.

– Мэри, вы можете взять меня за руку? Если не трудно, – попросила Анетта.

Ничуть не удивившись, Мэри приблизила свой стул к креслу экстракции. Холодная кисть Анетты подрагивала.

Нейронный дешифратор работал как надо – крипта преобразалась, предметы и стены размывались, исчезая, будто в густом тумане. Когда первые очертания проявились вокруг, Анетта ахнула. Она сидела в том же кресле, но посреди собственной лужайки, повернувшись лицом к своему дому. Над ее головой синело чистое небо Лос-Анджелеса, солнце яростно припекало, по траве полз зеленый жесткий шланг для полива – садовник тянул его к альпийской горке в другом конце двора.

– В моей станции виртуальной реальности все тоже как настоящее, – привстала Анетта. Она потрогала прогретую солнцем кожу; свесившись с кресла, провела рукой по влажной от полива траве. – Но там только игры, придуманные комнаты и прочая ерунда. Я никогда не видела собственный дом в виртуальной проекции!

– Наша станция работает немного иначе, чем игровая. – Райан повернулся к ним в кресле, которое, казалось, тоже стоит посреди лужайки. – Мы считываем ваши реальные воспоминания нейронным дешифратором, который я создал, и сигнал тут же преобразуется в визуализацию. Я написал программу, которая выдает визуализацию экспромтом, декодируя ее непосредственно из вашей памяти.

Хотя Райан никогда не говорил с людьми об их чувствах и прочей душевной мешанине, он обожал рассказывать им о своем главном сокровище, о деле своей жизни. Тут он оживлялся, закидывал ногу на ногу и любовался видениями вместе с ошарашенными добровольцами.

– Если я сейчас встану, то смогу пройти в свой дом? Открыть вон ту дверь и войти? – спросила Анетта, приподнимаясь.

Но Мэри задержала ее быстрым движением руки.

– Потенциально, да. Но вы здесь не для развлечения, а для воскрешения вашей дочери. Мы должны проделать эту работу вместе.

Анетта все еще оглядывала собственную лужайку. Над ее ухом прожужжал толстый шмель. Он опустился на раскрытый бутон розы: важно качал крыльями, семенил по лепесткам.

– Еще мне пришлось усовершенствовать сами станции виртуальной реальности, которые и так есть в каждом доме. Вы видите, слышите, ощущаете, обоняете не какую-нибудь придуманную вселенную, а собственное прошлое, свою жизнь.

– Это совершенно сбивает с толку, кажется таким настоящим. Потому что здесь все мое, все, что я помню. А воскресшие? – вдруг спросила Анетта. – Моя дочь, она будет такой же, как персонаж игры?

Райан подумал немного.

– Благодаря написанной мной программе, она будет такой, какой вы ее помните. Проекцией, как этот дом или куст роз. Только во много раз более сложной.

Анетта покачала головой. Она знала, что, увидев дочь, все поймет сама, и объяснить словами сотворенное Райаном О’Коннеллом чудо, которое скоро произойдет, было невозможно.

К концу его речи Анетта сидела в кресле глубоко и уверенно, руки согрелись, пальцы больше не дрожали – она была готова.

– Ну что, поехали, – скомандовала Мэри.

Она знала, что пройдет не так много времени, прежде чем Анетта поймет, что в технологии Райана таится не только волшебство, но и боль, и чем более реальным кажется все вокруг, тем тяжелее будет встреча женщины со своим прошлым. С тем самым днем.

– Итак, вы впервые принесли ее домой?

Анетта кивнула.

Мимо нее и Мэри проходит коренастая женщина в синей майке, широких штанах и с автолюлькой в руках. За Анеттой семенит кремовый пудель, явно удивленный и до ужаса взволнованный запахом новорожденной девочки. Торопливые шаги по дорожке, кряхтение и ворчание – муж Анетты обгоняет ее, повсюду разносится сильный запах мужских духов – амбра и ваниль. Он забегает на ступени крыльца, тяжелые пакеты, руки заняты. Он и пудель, оба взволнованы одинаково. Где-то здесь прячется простое счастье: в лужайке, автолюльке, тяжелых пакетах, пыхтении и суете. Трое людей и собака исчезают в недрах дома. Вечереет. Цикады, опьяненные жарой, неистово стрекочут.

В визуальной проекции остались только Анетта и Мэри. Не видно ни Райана и Четверки, ни мониторов, ни крипты, – все это словно было сном, и вокруг только темные стены дома и вид с холма на долину Города ангелов.

Вот Еве уже семь, она скачет по дивану вместе с собакой и громко хохочет, вокруг разбросаны игрушки.

Анетта в кресле экстракции памяти зажимает рот рукой, чтобы не закричать и не сорваться с места. Все смещается в сторону, затем вверх, пахнет жареной индейкой, ночь подсвечена гирляндами. Анетта протягивает руку, чувствует деревянные перила лестницы. Одна из десятка фотографий вдоль ступеней висит криво, и Анетта, чуть привстав, поправляет ее с нежностью. Кресло экстракции выезжает на площадку второго этажа. На двери комнаты Евы висит меловая доска, маленькая и вся в белой пыли. «Не беспокойте меня. Я серьезно, мама!» Дверь в комнату открывается – за столом сидит Ева, сосредоточенная, сердитая. Она даже головы не поворачивает к матери и Мэри, словно их здесь нет.

– Это она создает компьютерный код, с которым выиграла «Имэджин Кап». Я прокралась по лестнице и тихонько приоткрыла дверь в комнату. Ева знала, что я вошла к ней без разрешения, но сделала вид, что ничего не происходит. Только надулась – видите, как пульсирует жилка на ее шее?

Анетта говорит шепотом, а виртуальная проекция, подчиняясь движениям памяти, зафиксировавшей этот момент пятнадцать лет назад, с точностью воссоздает прошлое.

– Если я протяну к ней руку, смогу почувствовать ее? – нерешительно спрашивает Анетта.

– Да, вы ее коснетесь. Но не стоит. Это лишь иллюзия, хотя невероятно реальная. Сейчас вы дотронетесь до миража, а не до дочери, – пояснила Мэри, и Анетта опустила руку.

Комната вокруг поплыла, преобразилась. Многолюдный зал, повсюду преподаватели и судьи комиссии, известные разработчики и охотники за головами из Кремниевой долины. Круговорот из людей и звуков: гул голосов, щелчки фотоаппаратов, скрежет передвигаемых по полу стульев, удушливый запах чистых рубашек и сладких энергетиков. Красные от бессонницы глаза участников обратились к Еве. Высокая, волосы выкрашены в ядовито-зеленый цвет, с пирсингом в носу, она на возвышении, настраивает презентацию на ноутбук.

– Здесь ей шестнадцать. Я начинаю забывать, какой красивой была моя девочка, – громко сказала Анетта, чтобы Мэри услышала ее за гулом голосов. – Всю неделю мы с ней не разговаривали, потому что она заявила домой с пирсингом и пьяная в стельку. Ева думала, я злюсь на пирсинг, хотя, если честно, он ей очень к лицу. Я психовала из-за того, что она напилась где-то и я нашла в ее сумке косяк. Но ничего не сказала, думала, она сама догадается, что дело не в серьге, а в чем-то посерьезнее. Но в тот день я все равно пришла ее поддержать.

Ева посмотрела в зал, близоруко прищурившись. Участники рассаживались по местам. Увидев мать, Ева успокоилась, ее движения стали уверенными и решительными.

Картинка снова начала меняться, но туман никак не рассеивался.

– Вы готовы к тому, что сейчас будет? – спросила Мэри, глядя Анетте в глаза.

– Я снова увижу ее смерть? – спросила женщина обреченно.

– Нет, нам не нужен именно тот момент. Лишь все, что было до него. Мы остановимся за пару минут до ее смерти.

– Слава богу! – вздохнула Анетта.

Она уже была сама не своя, перестала различать явь и иллюзию, навеянную Райаном. Данные из ее воспоминаний о дочери, даже те, которые не были визуализированы, скачивались через приложенные к голове электроды. Их должно было хватить для создания совершенной виртуальной копии Евы.

Туман рассеялся. Кресло, в котором сидела Анетта, и стул Мэри оказались посреди узкого коридора. В заполненном зале, оставшемся позади, стоял тот же гул, но Ева уже закончила презентацию и вышла за перегородку, прижимая к себе ноутбук. Анетта шла рядом с ней, медленно, они о чем-то беседовали, едва слышно посмеивались.

– В тот день она выиграла грант на разработку своего проекта. Самый молодой программист, получивший предложение работать в «Нейроник технолоджис». Ее победа была объявлена, когда Евы уже не было в живых, через полчаса после ее презентации.

Анетта смотрела на свою широкую низенькую фигуру и на тонкую, высокую фигурку дочери, идущие рядом по коридору к запасному выходу.

– У Евы вдруг сильно разболелась голова, я повела ее на крышу, проветриться. Сейчас мы идем с ней вот так, плечо к плечу, думаем, что она просто переволновалась или выпила слишком много энергетиков.

Когда Анетта открыла и придержала тяжелую лестничную дверь, Ева пошатнулась и приложила руку ко лбу.

– Она отшутилась, сказала «гномик стучит по черепку, того и гляди пробьется наружу». Ей было плохо, но кто придает этому большое значение в шестнадцать лет? – Анетта тяжело дышала. – За эти годы, мне казалось, я как-то смирилась. Никто не мог знать, никто не виноват. Просто так случилось. Но меня каждый день мучает то, что я не успела сказать ей: Ева так и не узнала, что мне очень понравился ее пирсинг.

Дверь за Евой и Анеттой захлопнулась, коридор опустел, и виртуальная проекция событий пятнадцатилетней давности рассеялась, будто дым.

Райан потирал руки, довольный результатом. Ева должна была получиться такой, какой помнила ее мать. И пройдет еще достаточно времени, прежде чем Анетте придется пройти через самое трудное испытание в своей жизни. Снова отпустить дочь в небытие, на этот раз навсегда.

– Мы должны будем попрощаться сегодня?

Когда Анетта снова увидела стены крипты, ее тело обмякло, обессилело.

– Не сегодня, – заверила ее Мэри. – Воскресшая будет жить в Замке до тех пор, пока мы не завершим работу над пробной серией программы. Придет день, мы позовем сюда всех добровольцев, приведем их в наш сад, и все вы проститесь с любимыми. Скажете все, что не успели сказать, обнимете так, как не смогли обнять при жизни. Вы отпустите терзающих вас призраков и подарите себе покой.

Анетта покорно положила голову обратно на подголовник, посмотрела на высокий арочный свод крипты.

– Нам пора, – проговорила Четверка, сверяясь с данными загрузки.

Было уже темно. Анетта удивилась, что провела в крипте так много часов, – ей казалось, что экстракция прошла быстро. Вечер был спокойным и безветренным. В одной из башен Замка зажегся свет.

– Кто-то из воскресших сейчас в Замке, – тихо сказала Четверка Райану. Анетте не обязательно было знать, что происходит внутри дома.

Райан вел Анетту, Четверку и Мэри узкой тропой, обсаженной густой изгородью желтого дрока. Тропинкой, с которой ничего нельзя было разглядеть, кроме верхних этажей Замка. Ни сад, ни воскресшие, бродившие по нему, отсюда не были видны. Окутанные ночной прохладой, Райан и его спутницы углублялись во владения О'Коннеллов.

Тропа вела напрямиком к широкому, казавшемуся черным, озеру, с берегов которого открывался вид на спящую за пределами земель Замка вересковую пустошь и темную гряду деревьев на горизонте. Вода была спокойна, только мелкая рябь, поднятая ветром, то и дело пробегала по ее поверхности.

– Я ничего не вижу, – сказала Анетта, всматриваясь в черную гладь.

Райан сверился с планшетом. Загрузка 98%.

– Она поднимается к поверхности, – сказал он спокойно.

Озеро вздохнуло, вода качнулась и замерла.

– Поклянитесь мне, что ей не больно! – взмолилась Анетта и в упор посмотрела на Мэри, требуя немедленного ответа.

– Мы никогда не причиним боль тому, кто вам дорог. Клянусь, – ответила Мэри, и Анетта снова устремила взгляд на темную поверхность воды.

Как и все добровольцы до нее, Анетта так и не осознала до конца, что поднимается со дна озера на самом деле. Воскресшие, созданные Райаном, казались такими реальными, живыми. Трудно было поверить, что это лишь виртуальные проекции, добротные, гениальные, почти не отличимые от настоящих людей.

– Надо еще раз объяснить ей, кто такой ее воскресший, – прошептал Райан на ухо Мэри, и она почувствовала на щеке тепло его дыхания. – Это же просто усовершенствованная компьютерная программа. При чем тут боль!

– Не надо, – твердо возразила Мэри.

Мэри не было стыдно. Она позволяла Анетте, как и всем добровольцам, верить в собственные заблуждения. Разве могла она разрушить чудо момента, когда под тяжелой поверхностью воды поднимается к лунному свету давно упокоенный с миром человек? Посмотреть в глаза Анетте и вдруг, как приводящей в себя пощечиной, объявить, что перед ней не ее собственная дочь, а нечто иное. Нет, Мэри не могла так поступить. И всякий раз Райан упрекал ее в малодушии, а Мэри удивлялась, как он не понимает таких простых вещей, как вера в чудо, не проникается красотой рождения воскресших, нарушить которую было бы преступлением.

Вокруг благоухала ночь. Несмотря на зимний месяц декабрь, в саду цвели цветы, а с поля доносился терпкий аромат розового вереска. Жаркий день так прогрел землю, что ветру пришлось отдать всю прохладу, какая была у него в запасе, чтобы немного облегчить зной.

Озеро наконец заволновалось. У его края, там, где под толстыми стеблями осоки, сбиваясь с ритма, квакали лягушки, поднялась высокая волна, захлестнувшая берег. Жабий хор

тут же умолк. У Анетты задрожали колени. Мэри и Четверка поддерживали ее под локти, не давали упасть. Далеко, едва различимая в темноте, над поверхностью воды появилась маленькая точка. Она росла и росла, округляясь. Прикрытая мокрыми волосами голова. Голова приближалась, из воды появилась шея, угловатые плечи шестнадцатилетней девушки. Майка с надписями, черные потертые джинсы, кеды. Ева! Анетта, обмякшая в руках Четверки и Мэри, вдруг с силой рванулась навстречу своей дочери. Мэри и андроид были к этому готовы.

Все добровольцы в минуты воскрешения вели себя одинаково, словно были запрограммированы одним и тем же кодом. Державшие Анетту руки не ослабили хватку, а наоборот, еще крепче сжали ее локти. Мать рвалась навстречу дочери, она кричала, умоляла отпустить ее. Девушка уже поравнялась с ними, с ее зеленых волос капала вода. Она прошла так близко, но лишь удивленно посмотрела на собравшихся, не понимая, что происходит, кто перед ней стоит и почему, заливаясь слезами, кричит женщина. Огни сада манили ее – Ева исчезла среди кустов. Райан ликовал.

Анетта еще всхлипывала, Мэри обнимала ее, поглаживала по спине.

– Она не узнала меня! Разве такое возможно? – спросила Анетта.

– Воскресшие «развиваются» постепенно, им нужна хотя бы неделя, чтобы закачанная в виртуальное тело программа расставила в их памяти все по своим местам, – успокоил ее Райан.

Райан и Четверка ушли обратно в крипту, чтобы закончить дела, а Мэри повела Анетту к воротам Замка. Весь обратный путь женщина смотрела себе под ноги, не задала ни одного вопроса. Казалось, переживания этого дня лишили ее последних сил. Четверка предусмотрительно вызвала такси. Оно ждало Анетту за решеткой увенчанных золотыми вензелями ворот.

– Я свяжусь с вами, когда придет время. Не волнуйтесь, воскресшим хорошо в Замке. Вам нужно отдохнуть, осмыслить то, что сегодня произошло, – сказала Мэри, когда Анетта уже сидела в такси-беспилотнике.

– Она выглядела точно так же, как там, на крыше, когда я держала ее, потерявшую сознание, на руках. Не уверена, что смогу пережить это снова, – Анетта уже не плакала, только смотрела на Мэри с выражением смертельной усталости в глазах.

– Вам и не придется. Тот страшный день навсегда остался в прошлом. Но вам нужно пережить его иначе: попрощаться с дочерью, обнять ее, сказать ей все, что вы не успели. И ваша жизнь продолжится, – уверенно сказала Мэри.

– С того дня у моей жизни нет продолжения, только медленное, тягучее движение времени вперед. Я была уверена, что этого нельзя исправить. Замок стал моей единственной надеждой. Когда я ехала сюда, то думала, что здесь для меня свершится чудо. Но пока я испытываю лишь страдание...

Мэри стояла неподвижно, смотрела вслед удаляющемуся автомобилю. Она обернулась на Замок: черная глыба, упавшая с хмурого неба сотни лет назад. Глыба, в которой маленькие упрямые человечки снова и снова воскрешают свою боль.

Спрятанная среди вереска

Туфля Мэри увязла в грязи.

– Вода в озере опять поднимается, – сказала она с беспокойством, стяхивая влажную землю с графеновой подошвы. – Уже до сада добралась.

– Надо сходить в подвал, проверить показания «Моисея». С утра его датчики были в норме. Если бы это было озеро, на барьерах сработала бы сигнализация, – заверила Четверка.

– Вызови Ниса, он и его бригада посмотрят, что происходит, – попросила Мэри и почувствовала на себе ледяной взгляд Райана.

– Других гидрологов в Килларни нет? – ехидно поинтересовался он.

Мэри ответила на его взгляд.

– Остальные бригады в Дублине, ремонтируют дамбу. Если жара продолжится, – она подергала белый шелковый топ, насмешку над календарным декабром, – то и у нас вода поднимется быстрее, чем мы думали.

Они вышли к озеру. По лужайке тащилась большая тень одинокого облака. Нахохленная птица чомга повернулась к ним в профиль, красный глаз изучал, оценивал. В клюве трепыхалась рыбешка. Мэри вздрогнула, вспомнив рыбу из своего сна, и подумала, что ни за что в жизни ее нога не ступит в воды этого озера. Райан смотрел вдаль, туда, где за приподнятыми желтыми водяными барьерами «Моисея», ограждавшими жителей Замка от поднимающейся из-за глобального потепления воды, скользил по поверхности солнечный луч.

– Четверка, поедешь со мной, – приказал Райан.

Протаптывая траву вдоль берега, андроид пошла в сторону лодочного сарая.

– Каждый раз, когда ты плывешь туда, мне становится страшно, – Мэри коснулась руки Райана.

– Мне тоже, – ответил он, на секунду сжав ее пальцы, и тут же отпустил их. – Но я борюсь со своим страхом, и однажды победа будет за мной, – он развернулся и пошел прочь.

Четверка спускала на воду моторную лодку. На корме высился бортовой компьютер с датчиком глубины, стальной трос лебедки заканчивался грузиком. Мотор завелся, и Райан в сопровождении андроида, резко развернувшись прочь от берега, выплыл на глубину. Лодка остановилась.

– Еще двести метров прямо, – сказала Четверка, сверяясь со своими картами, которые можно было, приглядевшись, заметить в синих экранчиках ее глаз.

Угнетенный предчувствием, Райан неосторожно рванул с места, и мотор заглох. Тяжелая андроид по инерции отклонилась назад. Лодка опасно накренилась.

– Дьявол, я, кажется, переволновался, – сказал Райан самому себе и вытер лоб рукой. Солнце начинало припекать.

Четверка бросила грузик в воду, лебедка плавно разматывала трос. Прошло несколько минут, прежде чем катушка перестала вращаться.

– Глубина восемьдесят метров, – констатировала Четверка, отмеряя оставшуюся длину троса. – На метр больше, чем на прошлой неделе.

Они посмотрели в сторону берега. Желтые прямоугольники плавучих барьеров шерились у края воды. Такие же заградительные конструкции – «Моисеи», только разные по высоте и ширине, были расставлены по всему миру. Океанические, морские, озерные, они воздвигались стеной на пути поднимающейся воды.

– Ладно, сматывай катушку, поехали обратно, – распорядился Райан.

Неожиданно под днищем лодки раздался глухой стук.

– Рыба? – насторожился Райан.

С тех пор, как они выплыли на середину озера, он чувствовал себя неудобно, но не давал страху управлять своим разумом.

– Скорее всего. К тому же что-то зацепилось за груз, и лебедка не вращается... – Четверка пыталась провернуть рычаг катушки, но тот не двигался с места.

Вдруг Райан представил себе, что могло держать груз на дне озера, и тут же страх побороло его, уложив на обе лопатки. Сердце бешено колотилось, по спине стекал пот.

– Отцепляй трос, – едва слышно произнес он.

Лодка клюнула носом, рычаг катушки вылетел из крепкой руки Четверки и начал со скрежетом разматываться, пока наконец не остановился. В наступившей тишине Райан оглянулся на Мэри. Издалека она казалась маленькой фигуркой, напряженно застывшей на берегу.

«Он здесь», – подумал Райан и зажмурился, как делал это в детстве, когда ему было по-настоящему жутко. Глупость, картинки из прошлого, которые то и дело бередили его душу, порождали в Райане безотчетный страх перед тем, что случилось много лет назад.

Четверка наклонилась к воде, подергала замершую лебедку. В ответ что-то, скрывавшееся в темной бездне, дернуло лодку и протащило ее вперед на пару метров.

– Отцепляй же, быстрее! – заорал Райан.

Новый толчок был такой силы, что Райана отшвырнуло назад, и Четверка, потеряв равновесие, чуть не вывалилась за борт. Райан крепко ухватился за сиденье, ногти побелели. Катушка пару раз вздрогнула, под днищем снова раздался глухой звук удара, и лодку на большой скорости потащило еще дальше от берега. Мотор то заводился, то глох сам по себе, винт оставлял прерывистую пунктирную линию водяной пены. Фигурка Мэри на берегу становилась все меньше. Райан видел, как она бессильно мечется туда-сюда, машет руками, наверное, кричит. И даже не слыша, Райан мог безошибочно представить себе ее испуганный голос.

Опустив нос, загребая воду внутрь, влекомая чудовищной силой, лодка неслась к противоположному берегу. На такой скорости через минуту она влетит в укрепленную каменную насыпь. Четверка переползла к корме, зацепилась одной рукой за борт и, удержавшись во время очередного толчка, ухватила рычаг лебедки другой рукой. Силе андроидов не было равных – Четверка сорвала стальной трос. Отстегнувшись от катушки, он хлестнул ее по пальцам, и бионическая кожа разошлась, оголив кевларовый скелет. Лодка дернулась и резко замедлила ход. Райана замутило. Он зажал рот рукой и сделал носом глубокий вдох, чтобы сдержать рвотный позыв. Все было кончено.

Увидев Райана и Четверку целыми и невредимыми, Мэри заплакала. Она никак не могла перестать всхлипывать, даже когда Райан крепко обнял ее.

– Не реви, светлячок, – ласково проворчал он. – Ты мне фрак соплями измажешь.

– Что измажешь? – Мэри подняла на него карие глаза. Потом засмеялась, любовно пригладила его мокрую мятую майку. – В таком «фраке» только в оперу, – сквозь слезы сказала она, ткнув пальцем в принт: средний палец, заключенный в геометрическую фигуру. – Что это, кстати?

– Математическая шутка. Про октаэдр и неприличный жест. Не бери в голову, – сказал Райан, разжимая объятия, и Мэри почувствовала, как он отстраняется от нее. Ей стало одиноко.

Четверка уже шла к Замку. Она выглядела так спокойно, будто на озере ничего не произошло, и Райан завидовал своему андроиду. Порой он думал, что мог бы добиться большего, стать лучше, чем он есть сейчас, если бы лишние эмоции не мешали ему принимать верные решения и не будоражили его и без того беспокойный разум. Он знал, что Мэри бредет за ним следом, потерянная, еще не оправившаяся от волнения, но ни разу к ней не обернулся.

Когда они дошли до Замка, Четверка уже передала показания уровня воды в озере на гидрологическую станцию и вызвала бригаду. Все-таки она была лучшим помощником, которого только можно было себе представить.

Бригада гидрологов прибыла через двадцать минут. На подобные вызовы Нис и его команда реагировали быстро.

Нахмурившись и явно не в духе, Райан стоял у земляничного дерева – розовые и желтые шарики ягод осыпались, почернели. Вода давно добралась сюда: невидимая под толщей плодородной почвы, она сточила корни дерева, сгноила их, уничтожила. Вода хозяйничала под землей, питая и разрушая одновременно. Сад знал... зарытый корнями глубоко в землю, он все знал, но не мог произнести ни звука. Теперь вода вышла из своего укрытия – со стороны озера сюда бежал едва заметный ручеек, то останавливался совсем, то снова набирал силу.

Как обычно, настроение Райана окончательно испортилось, лишь только он издали услышал громкий смех Ниса. «Мэри веселится с ним, после всего, что со мной случилось», – подумал он, но вместо гнева, который он чувствовал, на его лице проявилась лишь усмешка, и взгляд бледно-голубых глаз стал холодным и презрительным.

– Ну что, Райан, стоишь столбом, рассказывай, что у вас стряслось, – заговорил Нис, откинув назад длинные огненно-рыжие волосы.

Нис был высоким и широкоплечим, на голову выше самого Райана. Он позволил отрасти щетине, золотой, на солнце придававшей его лицу удивительное сияние. Нис протянул крепкую руку для пожатия, и Райан нехотя подал свою. Мэри улыбнулась, будто надеялась, что простой жест вежливости положит конец многолетней взаимной неприязни.

– Ты вляпался прямиком в то, что здесь произошло, – сухо ответил Райан, кивнув на высокие резиновые сапоги Ниса, по щиколотку укрытые водой.

– Это я и без тебя вижу, – беззлобно ответил Нис. И обратился к двум андроидам, стоявшим за его спиной:

– Ну-ка, дамы, пройдитесь вверх по этому ручейку, отметьте место, откуда он выходит, и начнем работу.

Андроиды молча пошли к озеру, всматриваясь в тонкую струйку холодной чистой воды.

– Я имел в виду не это. Рассказывай, как вы с Четверкой сегодня чуть не утонули, – продолжил начатый разговор Нис.

Райан с упреком посмотрел на Мэри и выразительно поднял брови.

– Да ладно тебе, она же мне всегда все рассказывает, – уверенно заявил Нис и весело подмигнул Мэри.

– Иди на хрен, – на щеках Райана выступили красные пятна, и он, развернувшись, пошел вслед за андроидами гидрологической службы.

Четверка спешила через сад на помощь в поиске протечки. Все ее тело андроида первой серии выпуска, красивое, женственное и стройное, облаченное в идеально скроенную униформу серебристого цвета, отличалось от тел андроидов шестой серии – те были ниже, утратили женственность, а в темно-серых тоскливых робах выглядели как заключенные, приговоренные к общественным работам.

– Шестое поколение умных машин уже не так прекрасно, как наша Четверка, – прошептала Мэри, поднимая глаза на Ниса.

Он улыбнулся. Мэри всегда знала его таким – счастливым, будто ее общество доставляло ему несказанное удовольствие.

– У них столько ограничений стоит... Похоже, админы теперь контролируют все, что связано с развитием их интеллекта. Ну, после всего, что тогда случилось... Может, оно и к лучшему. Но теперь даже государственным службам вроде нашей приходится клянчить апгрейды специальными запросами. Что бы там ни было, шестое поколение все равно получилось крутым, работать с ними одно удовольствие.

– Кстати, о рабочих. Жаль твоих ребят здесь нет, они бы намгодились, – посетовала Мэри.

– Все переброшены в Дублин. Вчера там смыло дамбу из валунов и бетона, море прорвалось, накрыло оживленную трассу и десятки домов. Вода поднимается по всему миру.

– Это когда-нибудь прекратится? – спросила Мэри в отчаянии, обернувшись на Замок, который вдруг показался ей беззащитным и хрупким.

– Я не знаю, – вздохнул Нис.

Они подошли к месту протечки. Из-под земли бил крохотный фонтанчик, там, где заканчивалась зеленая сочная лужайка и начиналась линия воды.

– Подземные воды, – сказал Нис. – Все еще хуже, чем я думал.

– Это не пробоина в цепи барьеров? – спросил Райан, ненадолго отбросив свою неприязнь к Нису.

– Если бы.

Нис еще раз посмотрел на желтые прямоугольники заградительных барьеров «Моисея», стоящие вдоль всей береговой линии.

– Такой прорыв можно было бы починить. Но подземные воды – это ужас. Истоков не найти, они то и дело пробиваются неизвестно откуда и подмывают грунт. Следите за подвалами Замка, если что, сразу сообщайте.

Все замолчали. Два андроида гидрологической службы чинно стояли по обе стороны от Четверки, ожидая указаний. Сами они не имели возможности принимать важных решений, но Четверка была не такой.

– Можно прорыть траншею в сторону пустоши, – предложила она. – Так мы отведем подземную воду от сада. Других протечек пока нет.

Нис улыбнулся Четверке одной из своих самых ослепительных улыбок.

– Пойдешь ко мне работать, а? Я тебя знаешь как баловать буду? Как царицу! – предложил Нис, и они с Мэри засмеялись.

Райан резко отбросил со лба прядь волос.

– Ты закончил выпендриваться, Нис? Пора браться за дело.

До самого вечера работали сообща, почти не разговаривая. Андройды-гидрологи с легкостью копали огромными лопатами отводящую траншею в сторону вересковой пустоши, подальше от границ Замка. Четверка деловито распоряжалась ими, следила за каждым их действием с видом строгой учительницы. Нис сверял данные по уровню воды в озере, регистрировал место прорыва подземных вод и на ходу печатал отчет.

Райан и Мэри шли рядом вдоль удлиняющейся траншеи, по которой уже струилась быстрая вода. Солнце садилось по-зимнему рано, светило не было дела до взбесившегося земного климата, и оно строго соблюдало правильный режим смены дня и ночи. В рыжих волосах Мэри играли лучи заката, падали на бледную щеку, оттеняя кожу золотым, пробегались по плечу и руке.

– Тебе идет солнце, – ласково сказал залюбовавшийся ею Райан.

– Тебе идут веснушки, – ответила Мэри, бросив взгляд на его оголенные руки. – Проведем вечер вместе?

Прежде чем Райан успел ответить, к ним подошла Четверка, утопая ступнями в жидкой грязи, оставшейся после раскопки траншеи.

– Здесь будет маленькое искусственное озеро. Углубим его, когда вода начнет прибывать. Но пока все, течь иссякла.

– Это лучшая новость за сегодня, – вздохнул Райан.

Нис еще раз пробежался глазами по отчету и, спрятав планшет за пояс, удовлетворенно потер руки.

– Ну что, поплавки, на сегодня вы в безопасности. И нам пора восвояси, – он махнул своим андроидам, и те направились в сторону парадных ворот, где их ждал электрокар-амфибия.

Нис придержал Мэри за локоть, пропустив всех далеко вперед.

– Слушай, давай сходим сегодня в паб вместе? Выпьем, я покружу тебя в танце, знаешь, как будто нам снова семнадцать. Оставь здесь свое хмурое настроение и повеселись, хоть один вечер. Что скажешь?

Мэри неопределенно помотала головой, но не произнесла ни слова, потому что Райан с подозрением оглядывался на них. Только когда Нис уехал, Райан немного расслабился.

Солнце зашло, и с озера подул прохладный ветер, напористый, требовательный. Он провёл ладонью по волосам Мэри, взъерошил их, шлепнул Четверку по лысой голове, толкнул Райана в спину и через открытую дубовую дверь первым вбежал в Замок, взобрался по широкой парадной лестнице и скрылся на втором этаже. Окна все еще были открыты настежь, и со стороны сада потянуло запахом мокрой земли – она остывала, напитываясь озерной влагой, мягкая, податливая.

В холле Четверка вдруг остановилась, и ее глаза стали пустыми, словно она была в транс.

– Он все еще движется по дну озера, – сказала она глухо, таким голосом, что Райан и Мэри переглянулись.

– О чем ты? – испуганно спросил Райан и почувствовал, что его второй раз за день охватывает паника.

– Груз на конце лебедки. В него встроен датчик, он передает мне сигнал. Видимо, рыба его все-таки проглотила.

– Какая еще рыба? По-твоему, у нас тут трехметровый марлин завелся? – неожиданно громко сказал Райан, и Мэри дернулась от испуга. Она тоже была напряжена и чувствовала, что еще секунда – и страх нахлынет на нее с полной силой.

Взгляд Четверки снова стал прежним.

– Марлины – морские и океанические рыбы, – ответила она, явно не поняв сарказма. – Но в теплеющих озерах многие рыбы мутируют, перерастают норму во много раз.

– Да что это за тварь, которая протащила моторку с тяжеленным андроидом и взрослым мужчиной по воде? – с сомнением спросила Мэри.

– Не могу сказать. Но если вам нужно, можно...

– Да хрен с ней, пусть плавает, – замял вопрос Райан. – Я чувствую себя идиотом, навображал непонятно что.

Мэри погладила его по руке. Они оба сегодня дали маху. Когда дело касалось озера, никакие доводы разума не могли побороть отчаянный страх. В его водах не было ничего, кроме прошлого. Их прошлого, которое до сих пор пугало и мучило обоих, но разве сам Замок не доказывал им, что воображение имеет власть над этими землями?

– Я зайду к себе, приму душ, потом пойду в крипту. Буду работать всю ночь, – предупредил Райан Четверку, даже не глядя на Мэри, будто она не предлагала ему провести время вдвоем. Как и сотни раз до этого, ему опять захотелось огорчить ее, и он ничего не мог с собой поделать.

– А я спущусь в погреб, выберу себе подружку на вечер. Десяти- или двенадцатилетней выдержки, – проговорила Мэри сухо. Она развернулась и пошла в сторону низкой, едва заметной двери под парадной лестницей: путь в обширные погреба Замка был надежно скрыт от посторонних глаз.

Спуск в подземную часть Замка был плохо освещен. Каждый раз, когда Четверка порывалась повесить в подвалах и погребах лампы помощнее и светильники побольше, Мэри ее отговаривала. Ей нравилась сумеречная прохлада подземелий, влажность серых камней, запах грибов, исходящих от деревянных бочек, поленьев, брошенных черенков от лопат, ржавых кус-

ков арматуры и прочего никому не нужного хлама. На стене висели датчики «Моисея». Экраны спокойно мерцали – размеренное течение озерной жизни, отраженное в цифрах и диаграммах.

Железная дверь в погреб громко скрипнула, режущий ухо звук пронесся по закуткам длинного коридора. Сотни бутылей, пыльных, темных, выстроились шеренгой на стеллажах. Их содержимое хранило в себе память: прикосновение ветра к живому колосу, прикосновение рук к золотому зерну, дыхание жизни в ростке, едва проклюнувшимся через твердый, словно панцирь, плевел. Бутыли с воспоминаниями, бутылки с прошлым.

Все еще расстроенная, Мэри ходила между стеллажами. Она думала о том, что ее угораздило в который раз бросить все ради этого бесчувственного чурбана, свою привычную жизнь, друзей, Лондон. Ради Райана и его грандиозных планов, в которых она затерялась, словно камешек на галечном пляже. Телефон зачирикал, завибрировал.

«Жду тебя у нашего места, и никаких отговорок! Пройдемся, потом забуримся в одно классное заведение». Три смайлика-сердечка. От того, что Нис есть в ее жизни, Мэри становилось легче. С тех пор, как Райан забрал ее обратно в Замок, вырвал из привычного круга, Мэри чувствовала себя потерянной, ненужной. Там, в реальном мире живых, в мире, свободном от призраков чужого прошлого, она была важна, желанна, ценна по-настоящему. Но теперь Замок напоминал ей, снова и снова, что она лишь статист в чужом сценарии, женщина, чье присутствие здесь, несмотря на уверения Райана, мало что значит.

Бутылка-подружка на вечер отменялась. Выбравшись из погреба с пустыми руками, Мэри тихо прокралась на второй этаж и проскользнула в свою спальню. Она открыла массивный гардероб и долго выбирала, что надеть. Длинный серебристый кардиган с зеркальными пайетками и высоким воротником-стойкой, узкие брюки из генно-модифицированного хлопка и туфли на треугольном каблуке. Она повертелась перед зеркалом. «Сойдет», – прошептала она отражению. В ящике с украшениями лежали двенадцать заколок. Она повертела их в руках, любовно оглядывая каждую. Эту коллекцию она создавала для себя, и, хотя многие знакомые дизайнеры порывались выкупить у нее хотя бы один экземпляр, Мэри ни за что не соглашалась. Она подобрала волосы в высокий пучок, ловко прихватила медные локоны увесистым павлином: изогнутое тело и серебряный хвост, украшенный десятком сияющих рубинов.

Словно воришка в ночи, сжимая сумочку, Мэри неслышно пробиралась по Замку, бесшумно открывала и закрывала за собой двери, кралась по газону к парадным воротам, где ее уже ждало беспилотное такси. Залитые ярким светом фар, блестки на кардигане отразили свет сотней вспышек.

Она оглянулась – в окне спальни Райана было темно. Мэри уже приложила запястье с чипом к биометрическому замку, как в сумочке снова завибрировал телефон.

– Ты что-то хотел? – сухо спросила она Райана.

– Давай проведем вечер вместе, светлячок, – нежный, низкий голос, которым он говорил только с ней одной.

Мэри глубоко вздохнула. Обида и радость одновременно наполнили ее сердце. Ей хотелось то ли разозлиться, то ли рассмеяться.

Из окна темной спальни Райан смотрел, как Мэри (лицо подсвечено экраном) печатает и стирает, не в силах подобрать слова извинений Нису, как идет обратно к Замку, и думал, что она очень красивая, его светлячок, вся блестит и переливается, и павлин в ее волосах весь обратился в красные искры. Не зажигая свет, Райан подошел к зеркалу, едва освещенному лунным сиянием, лившимся из окна, пригладил волосы и, вполне довольный собой, пошел ей навстречу.

Мэри смотрела на себя в ростовое зеркало, висящее у задней двери, ведущей из кухни в сад. Шелковый топ цвета корицы вторил медному оттенку ее волос. Она прихватила пряди одной из созданных ею заколок: золотая пчела с полостью в брюшке, внутри, не видимый никому, по крохотным лабиринтам перекачивается изумруд, от чего кажется, будто пчела тихо жужжит. По утрам в Замке было безлюдно. Мэри уже потянулась к ручке двери, когда за ее спиной вдруг раздались торопливые шаги.

– Куда ты идешь? – серьезно спросила Четверка, глядя Мэри прямо в глаза.

– К скалам, – уклончиво ответила Мэри, отводя взгляд.

– Тебе нельзя к ней, – отрезала Четверка. – Она опасна и не контролирует себя. Я не могу тебе этого позволить.

Мэри потеряла глаза, будто прогоняла от себя навязчивый сон.

– Ты совсем спятила? Не забывай, что я распоряжаюсь тобой, а не наоборот.

Мэри ненавидела напоминать Четверке о ее месте в доме, но теперь андроид перешла все границы и нуждалась в хорошей оплеухе.

– Я пойду туда, куда захочу. К скалам – значит, к скалам. А ты займись-ка обедом или еще чем-нибудь полезным.

Четверка стояла посреди кухни, соображая, что делать: угрозы для жизни Мэри сейчас не было, но Четверка все равно топталась на месте в нерешительности.

– Я сказала, иди, – Мэри указала ей на дверь и, резко повернувшись, вышла в сад.

Вдалеке по вершинам скал скользил солнечный свет нарождающегося дня. Ветер делал утреннюю пробежку вдоль пустоши, раскачивал жесткие ветки вереска. Словно ласковый пес, он кидался на Мэри, лизал лицо теплым языком. Он трепал кончики ее волос, путался под ногами, то и дело толкал в спину, приглашая Мэри побегать вместе с ним. «В другой раз поиграем», – мысленно сказала она неугомонному ветру, и тот, надувшись, отправился вращать флюгеры на крыше Замка.

Уступ за уступом, Мэри осторожно поднималась вверх, цепляясь за едва заметные выбоины в черных камнях. В них еще таилась ночная прохлада, влажность утренней росы.

– Ты тут? – спросила Мэри, заглядывая в пещеру.

В ответ лишь тишина. Она посмотрела выше – ничего не поделаешь, придется лезть дальше.

– Вот ты где, – запыхавшись, Мэри ухватилась за бок – острая боль не давала ей дышать.

– Привет! – Омега широко улыбнулась, и заметные морщинки легли бороздками вокруг глаз.

– У тебя все в порядке? – поинтересовалась Мэри, глядя на оголенные провода, разложенные под панелями солнечных батарей.

Омега пожала плечами.

– Я все починила. Соединю контакты, и готово.

– Если что-то нужно, скажи. Мы с Райаном всегда рядом.

Мэри дружески погладила Омегу по плечу.

Они сели на край уступа: вересковая пустошь розовым ковром растянулась во все стороны. Над ней крылатым бисером взлетали тысячи пчел и прочих жадных до сладостей насекомых. Отсюда Замок казался еще более фантастическим – остроконечные колпачки башен, горящие солнечным светом стекла окон, серые камни стен в отметинах, оставленных острыми зубами времени.

– Я все время напоминаю себе, что скоро Рождество, – сказала Омега, явно думая о чем-то своем.

– В этом году зимы тоже не будет. Хотя все надеялись. Люди стали как дети, верят до последнего в то, чему не бывать. Смотри, – Мэри показала в сторону горизонта, где в нескольких километрах от земель Замка вдоль дороги двигались круглые кроны деревьев.

– Завозят очередной лесной заповедник? Скоро они все вокруг засадят, а толку никакого. Это нужно было делать лет тридцать назад. Но, как обычно, люди не спохватились, пока не стало слишком поздно, – посетовала Омега. – Кстати, я видела вас у озера...

– Даже не вспоминай. Это место давно задумало прикончить нас с Райаном.

– Ты о чем? Я имела в виду поднимающийся уровень воды.

Омега внимательно посмотрела на Мэри.

– Ах, это... Есть кое-что похуже. Что-то в воде зацепило трос на лодке, когда Райан и Четверка были посреди озера. Их таскало туда-сюда, пару раз они чуть не перевернулись. Четверка говорит, это была огромная рыба.

– А ты что думаешь? – с беспокойством спросила Омега.

– Думаю, что мы с Райаном боимся тени своего прошлого. Но переубедить себя не получается, как бы мы ни пытались. Нас можно до смерти напугать огромной рыбой, – усмехнулась Мэри.

– Прошлое не отпустит, пока Райан не примирится с собой. Я знаю, о чем говорю.

– Это место населено призраками. Вдруг один из них ждет нас на дне? Как думаешь, это возможно?

Омега посмотрела в сторону озера. Огромное начищенное блюдо, черные птицы садятся на воду, прямо во всполохи солнца.

– Если Райан не наделает глупостей, то все будет хорошо. Уверена, это была рыба, и ничего больше.

Они тепло попрощались. Омега провожала Мэри взглядом и думала о том, как же люди умудряются запугать сами себя, рождая и множа страхи, создавая монстров там, где их быть не может. И о том, что она сама, став «человеком», наконец обрела эту удивительную способность – думать сердцем, которому было плевать на доводы разума и железную логику андроидов. Что бы там ни было, крупная рыба теперь казалась Омеге чем-то ббльшим, и страх за Райана и Мэри разрастался и ширился в ней.

Вернувшись в свою пещеру, Омега внимательно осмотрела себя со всех сторон. Бионическая кожа кое-где протерлась, в старом платье разошелся шов, балетки из черных стали пыльными, серыми. «В следующий раз попрошу Мэри принести мне новую одежду», – Омега грустно вздохнула, проводя пальцем по оголившемуся кругляшку локтевого сустава. Она любила быть красивой, но какой в этом смысл, если ей суждено провести остаток дней в одиночестве, прячась в пещере и от людей, и от себе подобных? Быть изгоем, о существовании которого все предпочли забыть. Если бы у нее были слезные каналы, она бы непременно заплакала, но разработчики и подумать не могли, что железной машине может такое понадобиться.

Через пустыню

Дорога через пустыню Мохаве раскалилась добела. Из песка выростали миражи: люди и дома, зыбкие, горячие, дышащие, они мелко дрожали и таяли, не сумев прижиться под палящим солнцем. Хантер то и дело оглядывался – стук в багажнике усиливался, и казалось, машина оседает под тяжестью груза.

Над ним пролетели полицейские дроны, но с момента выезда из Лас-Вегаса он не нарушил ни одного правила дорожного движения, и зоркие камеры, отсканировав его номер, пронесли мимо, не сбавляя скорости. Он помотал головой, стряхнул липкое чувство паники, охватившее его при виде дронов, и, насвистывая, продолжил долгий, казавшийся ему бесконечным, путь. На пассажирском сиденье лежал термос с еще теплым кофе и бумажный пакет с имитацией куриных крылышек. Поразмыслив немного, Хантер потянулся к пакету, но вдруг отчетливо услышал стук – так настойчиво стучат в дверь дети, которые не могут дотянуться до звонка.

Он притормозил, выбрал место на обочине. Стук становился все требовательнее. Дроны услышат стук и уловят вибрацию, но вырубить жертву снова он не мог – пришлось бы достать ее из багажника, а дроны пролетают по шоссе раз в несколько минут. Скоро появятся два следующих, он не мог так рисковать. Выйдя из машины, Хантер не торопясь осмотрел колеса – нужно было потянуть время и все обдумать. Для вида постучав ногой по крышке, он огляделся. Шоссе было пустынным. Воздух вокруг обжигал, словно в жарко натопленной сауне. Открыв заднюю дверцу, Хантер достал чемодан с инструментами, извлек из него топорик, маленький, но остро заточенный с обеих сторон. Из багажника доносились стоны и сдавленные, приглушенные кляпом хрипы. Хантер поднял крышку. Жертва была связана десятком толстых стальных жгутов, которыми закрепляют железные конструкции.

Хантер знал, что времени у него мало. На горизонте в бледном небе уже маячили две черные точки. Дроны приближались так быстро, что Хантеру стало досадно – он проделал такой долгий путь зря, и теперь его добыча должна умереть прежде, чем он доберется с ней до своего убежища. Жертва обреченно смотрела на Хантера. Он взял ее за голову, резко повернул лицом ко дну багажника, обнажил шею и молниеносно рассек ее своим орудием.

– Какие-то проблемы, сэр? – оба дрона зависли над машиной.

Хантер так испугался, что подпрыгнул на месте. Топорик выпал из рук прямо на замершее тело. Захлопнув крышку, Хантер поднял голову и, глядя в камеру, широко улыбнулся.

– Не беспокойтесь, все отлично. Мне показалось, что колесо немного спустило. Пришлось выйти посмотреть, заодно проверил, все ли в порядке с багажом. Поездка была долгой.

– Вам нужна помощь? – оба дрона спустились немного ниже, присматриваясь. Хантер чувствовал, как колеблется жаркий воздух вокруг их пропеллеров.

– Вовсе нет. Я готов ехать дальше. Есть ли неподалеку кафе или заправка? Нужно пополнить запасы воды, эта жара испечет меня заживо, – он усмехнулся.

Дроны смотрели на него выпуклыми глазами камер. Они размышляли, как отреагировать на шутку, но так ничего и не придумали.

– Через пятьдесят миль есть закусовая. В вашем навигаторе стоит метка, – ответил один из них, и через секунду обе воздушные машины уже летели дальше по шоссе.

Голова закружилась, в висках пульсировала кровь, ноги подгибались. Хантер осел на раскаленную дорогу и вскрикнул, словно нечаянно примостился на конфорку зажженной плиты.

– Черт бы побрал этих чертовых дронов, черт! – в сердцах выругался он.

В его словарном запасе матерных слов было на порядок больше, но все они плавились в разгоряченном мозгу. Еще пятьдесят миль трястись по этому филиалу ада на земле – одна только мысль об этом сводила Хантера с ума.

В последние несколько лет проезжать по этой части штата стало настоящей огненной пыткой. С другой стороны, хорошо, что теперь по шоссе и окрестностям не курсировали полицейские машины. Он с ужасом представил себе, как офицер просит его открыть багажник или показать содержимое черного кейса, который до поры лежал на заднем сиденье. Дроны были не так подозрительны. Строго говоря, они вообще не вмешивались в дела людей до тех пор, пока те не нарушат закон.

Добравшись до водительского сиденья, Хантер захлопнул за собой дверь и включил кондиционер на полную мощность. Струи холодного воздуха обдавали лицо, Хантер блаженно зажмурился. «Ничего страшного не произошло. Я доеду до убежища и закопаю ее там, а потом примусь за новые поиски, пока не найду их всех. А теперь пара часов отдыха, черт возьми, вполне заслуженного. Где закусочная?» – он проложил маршрут до пункта назначения, поставил машину на автопилот и откинул спинку кресла. За стеклом люка на крыше было видно высокое небо, чистое, без единого облачка, без малейшей надежды на прохладу или живительный дождь.

Когда Хантер открыл глаза, ему показалось, что он проспал несколько часов. Но прошло не более тридцати минут. Машина припарковалась на стоянке перед кафе и выключила двигатель, кондиционер перестал работать.

После короткого отдыха мысли снова обрели четкость, которую он так высоко ценил. Больше всего на свете Хантер не терпел беспорядок – не важно, в голове или в окружающем мире. С самого детства он систематизировал все вокруг, расставлял по местам и полкам, так что родители даже не знали, радоваться им аккуратности сына или бояться ее. А бояться стоило. Но они поняли это только через семнадцать лет после его рождения, когда под досками в гаражной мастерской, где Хантер в дни школьных каникул увлеченно изучал анатомию по учебникам, нашли аккуратно сложенные кости мелких животных.

Убежденные веганы и зоозащитники, они отправили сына подальше и предпочли забыть о его существовании. Мальчик переживал историю с отлучением от дома по-своему: он искренне досадовал, что отец и мать избавились от костей, которые он так долго и тщательно собирал.

Хантер стер пот со лба и не торопясь пошел к дверям забегаловки. «Леденящий холод внутри» – буквы красные, округлые, будто спелые вишни. Когда Хантер открыл дверь, из помещения вырвалось облачко холодного пара. За длинной стойкой расположилась андроид второго поколения, со скальпированным черепом и в единственной форме одежды, которую закон позволял носить особям ее выпуска: обтягивающем серебристом комбинезоне с высоким воротником – он делал их похожими на манекенщиц с показа чудаковатого дизайнера.

– Выбрали что-нибудь из меню? – спросила андроид, и Хантер внимательно посмотрел ей в глаза. Нет, в них не было ни проблеска того, что ему было нужно, и он сделал заказ.

– Кусок пирога и воду. Холодную, лучше со льдом. Четыре кубика льда. И стакан должен быть белым, как те, что стоят у вас за стойкой. И подайте пирог на круглой фарфоровой тарелке, а не на одноразовой. Вилка должна лежать точно параллельно ножу. Вроде бы все.

За окном простиралась бесконечная пустыня. Забитая под завязку парковка, слоняющиеся туда-сюда люди с рюкзаками и переносными холодильниками с брякающими внутри бутылками. Разбросанные пустые термосы, смятые упаковки крема от солнца – несмотря на невыносимую жару, вокруг кипела жизнь.

– У вас не занято? – светловолосый мужчина лет тридцати стоял у столика со стаканом воды.

Хантер огляделся вокруг, но других свободных мест не было.

– Присаживайтесь, – приветливо сказал он.

За последние несколько недель он не перекинулся ни с кем и парой слов: когда Хантер «охотился», ничто не должно было отвлекать его от заранее продуманного сценария. Но теперь все было кончено, и слова так и рвались наружу.

– Вы, наверное, удивлены моим заказом? – спросил Хантер, расслабленно откинувшись на спинку дивана.

– Признаться, немного, – собеседник пожал плечами и улыбнулся.

– На меня иногда находит. Но я хочу того, чего хочу, и не стесняюсь это требовать.

– Мне показалось, вы просто хотите загрузить андроид ненужной работой, – констатировал блондин, окидывая Хантера любопытным взглядом.

– Мне нравится смотреть, как бездушные машины трудятся во благо моих капризов... Я давно сжился со своими закидонами и даю им порезвиться вволю, когда они берут власть надо мной. Как вас зовут?

– Юрий Успенский. Друзья называют меня просто Сибиряк.

– Русский? – удивился Хантер. – Посреди пустыни Мохаве? Как вас сюда занесло?

– Решил посмотреть на самое жаркое место на Земле, – засмеялся Сибиряк.

– Так вы из этих, что ходят в Долину Смерти? – Хантер кивнул в сторону людей на парковке.

– Экстремалов? О нет, ни за что не отважусь на такое! Похоже, они открывают горячий сезон. Теперь по пустыне будут бродить толпы людей, ставить палатки и жечь костры по ночам.

– Без терморегулирующих костюмов им и сутки не протянуть. Чего они добиваются? Я читал, что в прошлом году здесь склеили ласты сорок семь человек. И это за три месяца. Что за радость умереть от перегрева и жажды?

Сибиряк посмотрел на удаляющиеся в сторону горизонта фигурки. Они подрагивали в раскаленном воздухе, сами похожие на слабые, хрупкие миражи, которые вот-вот исчезнут без следа, и песок поглотит их.

– Не все умеют ценить жизнь, – пожал плечами Сибиряк. – А я умею. Сколько бы нам ни было отмерено времени, оно пролетит, как один миг, и не стоит торопить неизбежное.

– Странно слышать такое от молодого человека, – покачал головой Хантер.

Андроид принесла заказ, поставила на стол кусок пирога на фарфоровой тарелке, белый стакан с водой, в котором плавали четыре кубика льда.

– Спасибо, – сказал Сибиряк андроиду, и на лице Хантера на мгновение проскользнула ярость.

– Не стоит благодарить их, они нам не ровня, – пробормотал Хантер, наслаждаясь идеально приготовленным пирогом. Судя по всему, поваром в забегаловке тоже была андроид.

– Они не просили нас создавать их. К тому же я отношусь к андроидам с уважением. Они другие, но это не значит, что они хуже нас.

– И все-таки закон на моей стороне: оголенные процессоры в скальпированном черепе, запрет на ношение париков и человеческой одежды были просто невероятным проблеском разума наших законодателей. Не ожидал от них такого мудрого решения. Мы не равны и никогда не будем, сколько бы андроиды не пытались строить из себя людей.

– Вы вспоминаете давнюю историю, которой до сих пор мамы пугают непослушных детей, – с раздражением сказал Сибиряк. – Большинство очеловеченных особей давно обнулены, остальные живут мирно и почти не пересекаются с людьми. Разработчики больше никогда не допустят подобного. Хотя, честно говоря, я считаю, что это было чудо. И если бы человек, как обычно, не перепугался до смерти перед лицом невероятного, мы увидели бы эру расцвета интеллектуальных машин. А не их порабощение, – хмуро добавил Сибиряк. Его энтузиазм в общении заметно поубавился, казалось, он видит собеседника насквозь и уже жалеет, что так бездумно подсел к нему за столик.

– Не питайте иллюзий. Полутонная машина, способная за секунду просчитать десятки тысяч вариантов развития событий, видела вас насквозь, анализировала, собирала о вас данные, и вдруг оказалась способна чувствовать. Возненавидь она вас, что бы вы делали? Реши она, что вы недостойны жить, что бы вы делали? Обидься она на вас, что бы вы делали? От них не сбежишь, не отмахнешься, как от мухи. Пусть они не могли причинить человеку вред, но все равно не стоило ждать от них ничего хорошего.

– Полюби она вас, что бы вы делали? – спросил Сибиряк. Хантер невольно вздрогнул и опустил глаза.

Они сидели молча. Сибиряк все порывался уйти, просто встать и выйти, оставив этого болвана одного с его навязчивыми идеями, манией величия и чувством превосходства человеческой расы над всем остальным миром. Но за свои почти восемьдесят лет жизни Сибиряк понял, что каждый имеет право на собственное мнение, как бы его от этого мнения ни тошнило. В конце концов, если бы люди узнали, кто он такой на самом деле, не факт, что и к нему отнеслись бы без опаски. В своем солидном возрасте Сибиряк выглядел лет на тридцать. По документам ему было почти сорок и в скором времени ему придется искать человека, который перепрограммирует его подкожный чип и сменит в базах дату рождения. Из-за постоянного страха быть пойманным на поддельных личных данных Сибиряк не мог долго оставаться на одном месте, найти работу или завести семью. Единственное, что он мог, – подрабатывать по пути, где придется. Порой такая жизнь казалась ему адом, но Сибиряк знал, что однажды, лет в двести, и он отойдет в мир иной, покрытый старческими морщинами, избороздившими его лицо, и это чувство конечности существования снова примиряло его с миром и заставляло вспомнить, как прекрасна жизнь вокруг.

– Пожалуй, мне пора. Самолет вылетает через четыре часа, а мне нужно многое успеть.

Сибиряк отодвинул стакан, нарастающие кубики льда зазвенели чистыми голосами. Открылась и закрылась за очередным посетителем входная дверь, и горячий воздух с улицы непрошенным гостем проник внутрь.

– Куда летите? – вежливо поинтересовался Хантер. Он любил произвести хорошее впечатление, если это ему ничего не стоило.

– Вы удивитесь, но я лечу в Ирландию. – Сибиряк снова поудобнее устроился на диване напротив Хантера. – Читали о проекте Райана О’Коннелла? «Замок воскресения», ни много ни мало.

– Воскресения чего? Музейных мумий и мамонтов? – усмехнулся Хантер.

– Отнюдь. Воскресения близких, которых мы потеряли. Люди со всего мира отправляют заявки на проект, надеются попасть в Замок.

– В смысле? – удивился Хантер. – Вы что, серьезно верите в воскресение мертвых? Привидения и все такое... Да и зачем, собственно, это кому-то понадобилось?

Хантер был одним из немногих людей, которые живут своей жизнью, никогда не оглядываясь назад. Ностальгия, боль утраты или грусть, казалось, не имели для него особенного значения.

Сибиряк внимательно посмотрел на собеседника:

– Как зачем? Попрощаться. Не всем из нас повезло успеть... Хм... Сказать последние слова тем, кого мы потеряли. Признаться, открыться, да бог его знает, что еще. Вот зачем это нужно! Станный вы человек. Разве вы не хотели бы снова увидеть того, кого любили?

Хантер задумался. Он скрестил руки на груди, чувствуя, как сердце убыстряет бег против его воли.

– И что, можно будет прожить жизнь со своим призраком? – спросил он, с интересом глядя на Сибиряка.

– Это невозможно. Но каждому дадут время, чтобы проститься. И потом человек может начать жить с чистого листа, без скорби и сожаления.

– Вот облом, – вздохнул Хантер разочарованно. Но что-то в этой идее ему все же нравилось.

– Что ж, мне действительно пора, – извинился Сибиряк.

Он подхватил легкую дорожную сумку и, проведя запястьем над встроенным в стол терминалом, расплатился и вышел на улицу.

Хантер посмотрел на пустыню через запыленное желтым песком стекло. Черных точек на вибрирующем в раскаленном чаду горизонте становилось все больше. На парковке уже не осталось свободных мест, а в кафе запахло солнцезащитными кремами и едким потом.

– Посмотрим, что за «Замок воскресения» такой, – пробормотал Хантер, вбивая запрос в поисковик.

Вокруг десятки голосов, звон стаканов, скрежет вилок о тарелки режет слух. Люди заходили в прохладу кафе и приносили с собой вездесущий жар пустыни. Андроид сбивалась с ног, разнося заказы, в пищевом принтере что-то засбоило и пригорело, и запах дыма витал в воздухе. Хантер скользил взглядом по первой странице выдачи, и вдруг остановился, как громом пораженный. Не уверенный в том, что видит, он перешел по ссылке.

«Обнуление невозможно: очеловеченный андроид из Килларни исчезла без следа».

– Что за черт? – он пролистал статью по диагонали, сердце бешено колотилось. – Кажется, Ирландия – это судьба...

В салоне машины все еще было прохладно. На пассажирском сиденье лежал запертый на биометрический замок чемоданчик. Хантер нежно погладил гладкую черную поверхность. Новая охота началась.

Ему казалось, что до убежища он добрался за считанные минуты, хотя и ехал несколько часов. Когда Хантер был взбудоражен, время для него летело незаметно. Он запарковался за старым сараем, открыл багажник. Она лежала в той же позе, в которой он оставил ее после того, как рассек кабель жизнеобеспечения, заменяющего ей спинной хребет. Потухшие экранчики глаз были открыты и бесстрастно смотрели на серый ворс багажного коврика. «...Исчезла без следа» – вспомнил Хантер и потер руки: в предвкушении новой охоты настроение было лучше некуда.

Хантер едва выволок тяжелую андроид из багажника. Он взял ее за ноги, потащил к крышке канализационного люка, чуть выступающей из-под земли у заброшенной проселочной дороги, на сухом грунте протянулась длинная борозда от ее тела. Он с усилием отодвинул крышку, перекинул андроид через край люка и, услышав глухой звук удара, блаженно прикрыл глаза. Посветил телефоном вниз: его жертва лежала в круге света, прекрасная, застывшая навечно в позе поломанной куклы, угловатая, с неестественно вывернутыми суставами.

Он лег спать на жесткий настил из двух листов теплого живого бетона, оставленного в амбаре бывшим владельцем. В стене, вдоль которой тянулись металлические рейлинги с крюками для инструментов, всю ночь копошилось что-то маленькое и настойчивое. Хантер вертелся из стороны в сторону, боролся с желанием вскочить со своего жесткого ложа, выломать дыру в стене и выудить мышь или крысу на свет божий, чтобы показать, кто в амбаре хозяин. Но сон одолевал, и первые видения уже роились на поверхности уставшего разума.

События прошедшего дня причудливо переплетались с его жестокими фантазиями: андроид, до которой он наконец добрался сегодня утром, оглушив ее сильным разрядом тока, когда она выходила с покупками из супермаркета, вдруг становилась крысой, скребущейся в стене. Хантер протягивал руку к противоположному лысому хвосту, брал за кончик и заносил заточенный с обеих сторон топорик. Он смотрел в глаза своей жертве, но они были не крысиными, а голубыми почти человеческими глазами андроида. Крыса смотрела на него с отвращением.

Топорик легко рассек крысиную спинку, и под разошедшейся кожей засияла красным светом тревожного огонька материнская плата, основное хранилище и центр жизнеобеспечения всех андроидов вне зависимости от модели и года выпуска. Хантер вошел пальцами в горячую, еще живую плоть и с наслаждением вывернул плату из крохотного тела жертвы. Крыса-андроид с голубыми глазами билась в конвульсиях, пока остаточные разряды проходили по всему ее телу, от макушки до кончиков лап. Он крепко сжимал свою драгоценность, плату, душу интеллектуальной машины, и представлял, что умирающая жертва испытывает невыносимую боль. Никто не знал, так ли это, но Хантер искренне надеялся, что так.

В сон теперь проникал посторонний звук. Тот же настойчивый стук, который Хантер слышал в багажнике своей машины. Он покрутился с боку на бок, пытаясь переключиться на красочное видение, так некстати прерванное на самом интересном месте, но стук все не стихал. Открыв глаза, Хантер понял – кто-то действительно колотит в дверь амбара, которую он на ночь предусмотрительно запер на крючок.

– Полиция, откройте! Ваша машина здесь, сэр, не заставляйте нас ломать дверь!

Хантер вскочил, и увесистая дорожная сумка, которая служила ему импровизированной подушкой, с грохотом упала на пол. Он зажал рот рукой, но голоса за деревянной дверью, притихшие было, послышались снова. Собрав волю в кулак, Хантер откинул крюк, и яркий утренний свет ворвался в темное нутро амбара, разгоняя пыль. Поток свежего воздуха немного разбавил запах залежавшихся подстилок и пакетов со старыми опилками.

– Простите, что заставил вас ждать, офицеры. Я крепко спал и никак не мог проснуться, – честно признался Хантер.

Он знал, что во время приступа паники ложь удается ему неважно, и любой, особенно полицейский, почует ее за версту. Ему нужно было говорить им правду, просто не всю, и следить за словами до тех пор, пока они наконец от него не отвяжутся.

– Чем могу помочь?

– Мы запеленговали сигнал от вашего автомобиля и приехали сюда, как только посмотрели записи видеокамер патрульных дронов.

Сердце Хантера окончательно ушло в пятки. И его худшие предположения были недалеко от истины.

– Откройте багажник, сэр! – попросил полицейский, что стоял за спиной своего напарника и недобро смотрел на Хантера.

Отпираться было бесполезно. Тем более что ничего подозрительного в машине больше не было. Или было? Он с ужасом осознал, что забыл забрать с заднего сиденья черный кейс с биометрическим замком. Только по одному замку со сканером подкожного чипа полиция быстро догадается, что внутри лежит нечто заслуживающее внимания.

Они уже шли к его машине. Кузов раскалился на солнце, внутри была настоящая парилка. Один из полицейских заглянул в салон, и Хантер, с беспокойством наблюдавший за ним, понял, что тот заприметил кейс. У него было всего несколько минут, чтобы придумать, как отделаться от обоих копов, но ни одна мысль не шла в голову. Он был трусоват, особенно когда знал, что сила не на его стороне. Только чувство безнаказанности и уверенности в собственном превосходстве давали ему мощь, власть кружила голову, и он мог наконец забыть о слабости.

Но теперь все было иначе. Безоружный, на подгибающихся ногах, он явно был не в том положении, чтобы почувствовать свою силу. Хантер едва смог поднять крышку багажника. Оба полицейских посмотрели на чистый коврик, из-под которого круглым ободом топорщилась запаска.

– На записях с камер мы увидели в вашем багажнике женские ноги. Но оба дрона определили вас единственным биологическим объектом. Значит, внутри была не женщина. Вы перевозили в багажнике андроида? – полицейский уставился на Хантера, не моргая.

– Боюсь, ничем не могу вам помочь. В багажнике лежала моя поклажа, дорожная сумка и пара инструментов на случай, если с машиной что-то случится в дороге.

– Вы понимаете, что провоз андроида в багажнике нарушает закон о жестоком обращении с особями, обладающими искусственным интеллектом? – спросил второй полицейский.

– Какой-какой закон? – Хантер был так возмущен, что невольно повысил голос.

– Прошу вас успокоиться, сэр, – оба офицера напряглись.

– Нет, как я могу успокоиться! Что это еще за закон такой? – негодовал Хантер.

– Он действует во всех штатах с прошлой недели. Обращаться с андроидом должно так же, как обращаются с людьми. Нельзя подвергать их физическому и психическому насилию, продавать и покупать на аукционах, перепрошивать и апгрейтить без согласия андроида, которое владелец направит в письменной форме в ассоциацию по защите прав интеллектуальных машин.

К концу этой фразы Хантер уже был вне себя. Информационный детокс, который он позволял себе каждый раз во время очередной охоты, а именно напрочь отключенный интернет, на этот раз не пошел ему на пользу. Пот градом катился по спине. Проклятая жара все расплавалась, мешая ему сосредоточиться. Глаза налились кровью.

– Вы же видите, что у меня в машине нет никаких... Никакого... Вообще ничего нет! Обещаю, увидев андроида в следующий раз, я непременно буду обращаться с ней, как с женщиной. Как с женой! Да что там, черт возьми, как с родной матерью! Так и запишите в своем протоколе!

Полицейские переглянулись. У них не было основания для дальнейших расспросов. К тому же Хантер был не единственным, кто терпеть не мог человекоподобные интеллектуальные машины. Многие относились к ним настороженно. Производители верили, что с годами подозрительность уляжется и их прекрасные андроиды будут мирно жить и работать среди людей и для людей. Но этого не произошло.

– Просим прощения за беспокойство, сэр.

Полицейские уже пошли к своей машине. Но любопытство взяло верх. Тот, что был помоложе, дернув коллегу за руку, резко остановился.

– Что это за кейс у вас на заднем сиденье? – спросил он, тон был обманчиво спокоен, но его глаза горели. Офицер чуял добычу.

Хантера захлестнула волна ужаса, мозг в панике предлагал одну невероятную идею спасения за другой, он готов был умчаться на летающей тарелке или сбегать по заброшенному канализационному люку, в который намеренно сбросил андроида. Но тело, повинувшись одному ему известному порыву, уже послушно выволакивало из машины черный кейс. Не помня себя от страха, он приложил запястье к биометрическому сканеру, и замки на крышке щелкнули. Полицейские не могли не заметить, что мужчина паникует.

– Отойдите от кейса, сэр, – вежливо попросил старший из них.

Хантер послушался. Он смотрел, как офицеры склонились над кейсом и недоуменно изучают его содержимое. Четыре материнские платы и топорик, и больше ничего. Младший достал сканер и приложил к наклейке с QR-кодом производителя. В этот момент Хантер понял, что все кончено. За годы охоты он не раз бывал в ситуациях, близких к полному провалу. Но всякий раз в последнюю секунду ум подбрасывал ему спасительную идею. И теперь он не подвел растерянного хозяина.

Ступая как можно тише, Хантер отошел от полицейских, которые стояли к нему спиной, склонившись, изучали данные о платах и их андроидах-обладателях. Вот-вот они поймут, что платы действующие, то есть были извлечены из работающего, не отключенного андроида. Это и раньше было покушением на имущество хозяев умных машин и каралось по всей строгости закона, а теперь такие действия приравнивались к физическому насилию. Хантер не хотел извлекать плату из отключенной жертвы, потому что не собирался облегчать ее муки.

Еще вчера в амбаре он заметил висящее на стене длинное острое шило для столярных работ. Он прикинул, не пригодится ли оно ему в последующих охотах, но так ничего путного и не придумал. Зато теперь его рука сама потянулась к гладкому металлу, он отцепил шило от крючка и так же бесшумно снова вышел на улицу. Один из полицейских уже звонил коллегам в участке и вызывал экспертов: быстро же они все поняли! Хантер подошел к старшему сзади и молниеносно всадил шило ему под ребра со стороны спины.

Он неплохо знал анатомию мелких животных: кошек и собак, кости которых хранил в качестве трофеев под полом в своей мастерской, – и понял, что попал прямо в печень. Младший офицер обернулся, но успел только округлить глаза. Наконечник шила уже входил ему в трахею, и булькающий удивленный звук вырвался из его рта. Хантер посмотрел на них обоих, лежащих на земле, протер свое оружие краем рубашки. Пора было мотать отсюда.

Хантер приложил телефон к подкожному биочипу на своем запястье. Когда-то он на всякий случай обзавелся программой для взлома и рекодировки. Весьма кстати. Хакерских программ было полным-полно на черном рынке в первые годы чипирования, теперь их просто так не найти.

С экрана телефона на него смотрело собственное лицо. Оно было каким-то неаккуратно скроенным, будто его части не подходили друг другу: маленькие хищные глазки и крупный нос, широкая переносица, узкий подбородок, который в отдельности от всего лица мог бы быть вполне привлекательным, и слишком тонкие губы, уголок которых навсегда застыл опущенным с правой стороны – парез лицевого нерва, которым для Хантера закончилось посещение стоматолога. Но имя, фамилия и другие личные данные теперь были иными.

Он снова открыл канализационный люк и сбросил туда оба мертвых тела.

«Ирландия, я уже спешу к тебе!» – сказал он, нежно погладил содержимое кейса и закрыл крышку. Углубляясь в лес со своей ношей, он думал только о том, какую метку поставить на дереве, под которым он закопает кейс, и как по возвращении к хижине через несколько месяцев охоты снова найти его. Единственное, о чем он сейчас жалел, это о том, что должен расстаться со своей драгоценной коллекцией, но перевезти кейс через границу было невозможно.

Иссохшие, мучимые жаждой лесные деревья смотрели на него с высоты и недоумевали, отчего этот человек так бодро шагает между стволами, еще и напевает что-то противным голосом, ведь в штате Калифорния в самом разгаре был очередной невыносимо жаркий день.

Поляна светлячков

Эту ночь они впервые за долгое время провели вместе. Когда Райан встал, Мэри еще спала – белокожий клубочек, рыжие волосы заслонили лицо, свесились с края кровати, покрывало сброшено на сторону. Когда Мэри становилось жарко по ночам, она, словно ребенок, зло пинаясь и пыхтя, в полудреме отшвыривала от себя одеяло, и Райан тихо смеялся над ней, уткнувшись лицом в подушку.

Стараясь ее не разбудить, Райан босой прошлепал в коридор. Ощущение прохлады деревянного пола помогало ему проснуться. Четверка уже успела выжать сок и скормливать очистки апельсинов спрятанному под разделочным столом компостеру.

– Ты собрала мои вещи? – спросил Райан. – Я выезжаю через полчаса.

– Как долго ты пробудешь в Лондоне? – поинтересовалась Четверка, запоминая информацию и одновременно счищая кожуру с увесистого персика.

– До завтрашнего вечера. Последи без меня за Мэри, пожалуйста.

– Что я должна сделать?

Четверка подняла на него глаза. Нож, на острие которого красовалась розовая завитушка кожуры, застыл в ее руке.

– Просто будь бдительна. Не дай этому месту обидеть ее, ладно?

Четверка кивнула. Она будет бдительна и обо всем, что увидит, доложит Райану.

Через полчаса, не дождавшись, пока проснется Мэри, Райан был уже в пути. Он запрограммировал беспилотник на среднюю скорость – времени до вылета было достаточно. Чем больше он удалялся от Замка, тем лучше становилось на душе. С тех пор, как они с Мэри вернулись сюда, Райан спрашивал себя, зачем ему все это. Ответов не было, но он знал, что больше не может избегать встречи со своим домом, единственным, который у него когда-либо был. Годы, проведенные в отелях, арендованных квартирах, на яхтах, превращали его в кочевника, оторванного от корней. И, хотя Замок так и норовил припомнить Райану все плохое, что случалось с ним в прошлом в его стенах, он чувствовал, что вернуться было правильным решением.

Поля просыпались медленно, неохотно, свет скользил по травам, дотрагивался до сонных насекомых, и они взлетали ввысь, выбираясь из зеленых постелей. Райан приоткрыл окно, подставил лицо ветру. Холодный взгляд его голубых глаз стал рассеянным, задумчивым. Вдоль дороги тянулись черные ряды солнечных батарей, бесконечные прямоугольники, ненасытно поглощающие свет. Под ними мелькали фигурки андроидов, они налаживали оборудование и проверяли энергетические поля перед рабочим днем.

Вскоре ландшафт сменился. Трасса потянулась через лесной заповедник – там, где раньше было пусто, теперь тысячами высились хрупкие саженцы лесных деревьев. Выстроенные в ряды, ухоженные, подкормленные удобрениями через километры питающих трубок, они готовились вырасти в настоящий густой лес и, как и сотни тысяч лесных ферм по всему миру, восполнить собой зияющие проплешины, оставшиеся от давно запрещенных лесоповалов. Ближе к Корку молодые леса сменились хозяйственными полями. Машина дернулась и подпрыгнула – поперек шоссе тянулся толстый дренажный шланг, который рабочие прокладывали в траншеи для искусственного полива. Дождя не было уже два месяца – тяжелые тучи плыли по небу, вселяя ложную надежду, но ни одна из них так и не решилась пролиться над островом.

Райан выстроил объездной маршрут, тянувшийся по улицам Корка, а затем вдоль озера Махон. Он любил эти места – когда в Замке становилось невыносимо, он, много лет назад, сбегал наконец в город, большой и шумный, чтобы ненадолго забыться. Машина уже везла его берегом. Опершись лбом о стекло, Райан смотрел на воду Махона, обманчиво покор-

ную и невинную: волны вылизывают многометровые искусственные насыпи, дроны курсируют по всему периметру опасных участков и отмечают уровень воды. Вдоль берега разбросаны башенки гидрологических станций, красные маячки, едва заметные при солнечном свете, мигают. Мир, кажущийся натуральным и естественным, на самом деле под завязку напичкан электроникой: над землей, на земле и в ее недрах что-то фиксируют датчики, дренажи и насосы поливают или осушают, по толстым горловинам шлангов плывет разбавленный питательный компост, переработанный из пищевых отходов жителей острова, и десятки других процессов происходят вокруг, незаметные глазу и привычные.

Наконец Райан был в аэропорту.

– Доброе утро, мистер О’Коннелл, – бортдиспетчер протянул Райану руку.

В командном пункте было тихо и прохладно. Райан зажмурился, глядя с высоты вышки на восходящее, четко очерченное оранжевое солнце. Затемненные стекла не пропускали лучи внутрь, от чего солнечный диск казался идеальным кругом, нарисованным на листе бумаги.

– Привет, Эш, рад видеть. Все готово к вылету?

– Бортовой компьютер настроен, на маршруте не должно быть никаких сюрпризов. Я поведу вас до самого Лондона. Через двадцать минут сядете в Хитроу.

Внизу на серой, расчерченной желтыми линиями взлетной полосе стронгбот, похожий на маленькую собачку без головы, вытягивал самолет Райана из ангара. Пятна света плясали на бело-красных вытянутых вдоль корпуса крыльях, солнечная батарея, протянувшаяся по всей спине фюзеляжа, отражала зеркальной поверхностью голубое небо.

В салоне, как обычно, пахло корицей и имбирем – любимые духи Мэри, ими было пропитано все вокруг: обивка кресел, мягкие ковры на полу, плед, которым она всегда укутывалась в полете. Ее пустое кресло смотрело на Райана с укоризной.

Самолет вырубивал, готовясь к взлету. Райан снова посмотрел на диспетчерскую вышку, но в затемненных стеклах никого не было видно. Где-то внутри, вращаясь в кресле, Эш координировал беспилотник, проверял настройки и сканировал небо, очерченное таким же ровным, как восходящее солнце, радаром на мониторе.

О чем он будет говорить на интервью с Мишико? Нужно было сто раз обдумать свои слова, быть осторожным в высказываниях, следить за тем, чтобы ничто, вырванное из контекста, его интервьюер не смог представить в ложном свете. Люди хотели знать, что происходит в Замке. Многие успели напридумывать себе бог знает что, от привидений до физического воскрешения мертвых, – пора было наконец выступить перед миллиардом зрителей и положить конец домыслам.

Несмотря на долгое молчание Райана, каждый день на сайт проекта поступали сотни тысяч анкет от добровольцев. Люди хотели снова увидеть тех, кого они потеряли, им было не важно, каким образом Райан вернет им близких. В сети повсюду маячили инсинуации на тему Замка, озера и сада, одна безумнее другой, противоречащие здравому смыслу и законам логики, они выставляли Замок эдаким фантастическим местом, полным необъяснимых явлений. Если бы слухи не множили сами себя, подогреваемые интересом людей к проекту, Райан ни за что не заставил бы себя дать интервью. Всем публичным выступлениям он предпочитал тишину крипты, уединение в узком кругу близких людей. Но через двадцать минут он сядет в Хитроу, приедет в студию и выйдет оттуда человеком, лицо которого будет знать весь мир.

Резкий толчок прижал Райана к спинке кресла всего на секунду, но тут же все вернулось на свои места. Самолет набрал сверхзвуковую скорость, и небо в иллюминаторах превратилось в сплошное бирюзовое пятно. Райан прикрыл шторку, откинулся назад, на мониторе в потолке завращались многоцветные мандалы и по салону поплыла музыка для медитации, глубинный «ом», проникающий в каждую клеточку тела.

Ровно через двадцать минут он был в Хитроу. Райан поднимался на эскалаторе, сквозь десяток ярусов, усаженных тысячами видов растений. В последнее время ему казалось, что весь мир стал зеленым. Из жадных разрушителей, уничтожающих все вокруг себя, напуганные люди вдруг превратились в безумных, отчаянных созидателей. Запрет за запретом, они с завидным фанатизмом искореняли ошибки прошлого: лесоповалы, химические фабрики, заводы по производству пластика и нефтяные вышки, разбирали на бетонные блоки скотобойни и ликвидировали фермы. Чем жарче становился мир, чем выше поднималась вода, прорывая плотину за плотиной, тем шире расстилались искусственно высаженные леса, каждый свободный сантиметр земли становился зеленым, а корпорации теперь соперничали в экологичности производства.

У платформы поездов толпа редела – до следующего маглева оставалось целых десять минут. Райан свернул к засаженному каштанами уголку. Желто-зеленые колючие шарики свисали с каждой ветки. Между корнями шуршала вода, успокоительно, размеренно. Райану казалось, что здесь он остался совсем один, как в саду Замка, словно растения обладали удивительным даром окутывать, защищать хрупкое человеческое существо от остального мира, говорить только с ним, напевать ему свою упоительную песнь листьев.

С огороженного края яруса он видел беспредельный, величественный сад под ячеистым куполом аэропорта. Пассажиры и их чемоданы исчезали в зеленом море, выныривали и пропадали снова. Дубы-исполины в северной части зала поднимались к самой крыше, пальмы в южной стороне – отсек тропических видов – стояли недвижимо: взлохмаченные головы на тонких шеях. Нижние ярусы занимали приземистые кусты, еще ниже – цветы и травы, папоротники, плющи, стелящиеся по самой земле. Зеленая масса поглощала звуки, питалась человеческим дыханием, обращая углекислый газ в кислород, и через открытые в крыше люки вырывался влажный и теплый, как в турецком хаммаме, воздух.

Вскоре Райан входил в двери телестудии. На постаменте посреди площадки красовался макет кресла экстракции, куда более внушительный, чем его прототип – стерильно белый, стальные ножки с шипами, блестящие шары на подлокотниках, за которые, видимо, должен был хвататься несчастный рыдающий доброволец. Райан поморщился – антураж слишком уж походил на выпендреж, все в нем так и кричало о том, что в крипте Замка не работают, а снимают какое-то забористое шоу.

– Мы уже начали волноваться, вдруг ты не приедешь, – Мишико ласково поцеловал Райана в обе щеки. – Смотри, что мы для тебя смастерили. Ну как?

Он махнул рукой в сторону кресла экстракции, любуясь проделанной работой.

– Как в кино, – саркастично заметил Райан, и Мишико самодовольно улыбнулся.

– То, что нужно! – пропел он и подтолкнул Райана ближе к камерам.

– Ты помнишь наш уговор? Никаких подстав. Иначе я наложу запрет на выпуск, – предупредил Райан.

– Да понял я, понял, – Мишико покачал головой, в ушах засверкали бриллиантовые серьги. – Только умоляю, не будь ты скучным, дай мне картинку!

– Я же не клоун в цирке, – проворчал Райан.

– С таким настроением мог бы пойти на «Юниверсал Ньюз», – шутливо предложил Мишико. – Под их программы старые пердуны засыпают быстрее, чем под сказки сиделок.

– Нет уж, у тебя аудитория два миллиарда человек! – ответил Райан.

– Меркантильный плохиш. – Мишико легонько толкнул Райана в плечо. – Ладно, начинаем. – Он громко хлопнул в ладоши.

Пародия на кресло экстракции до поры отъехала на задворки площадки. Мишико сел на пуф напротив Райана, закинул ногу на ногу, покачал лакированной туфлей. Райан знал, что, несмотря на разудалый прикид и высоченные каблуки, Мишико был одним из лучших интервьюеров своего времени. Умный малый, он чувял сенсацию за версту. Но при этом никогда не позволял себе переходить границы дозволенного, благодаря чему в его студии появлялись все новые и новые селебрити, не опасавшиеся оказаться вымазанными дерьмом на глазах у всего мира.

Суфлер на мониторе камеры застыл с первой же минуты, за ненадобностью. Мишико каждый раз готовил вопросы заранее, тщательно и придирчиво, но затем, перевалив их в своей голове, разложив по полочкам, действовал экспромтом, внимательно глядя в глаза собеседнику, подмечая движение каждого мускула – выискивая страхи, ложь, позерство или простое волнение, используя все это для своих целей.

Студия с черными бархатными стенами вокруг них осветилась и расширилась. Станция виртуальной реальности под каждый выпуск создавала новый интерьер, не давая зрителю заскучать от вида одной и той же картинки.

– Друзья, без паники. Я отсюда слышу ваши изумленные голоса. Да-да, наш тайный гость, которым я интриговал вас всю неделю, сегодня... это сам Райан О'Коннелл! Не кажется ли вам, что его имя доносится из каждого утюга? Из моего точно – даже маечку не могу погладить спокойно. Кстати... – Мишико вытянул полы красной майки с выложенным из стеклянных осколков портретом Греты Тунберг, – ссыль на дизайнера в описании к выпуску...

Райан представил, сколько миллионов фунтов упало на счет канала за такую неприкрытую рекламу.

– Его имя вы все слышали, а вот лицо... Красавчик. Глаза голубые, будто два ледяных арктических озера. Ух! – Мишико дернул плечами. – Райан, что молчишь, я тебе комплименты раздаю, а ты... Ох уж эти ученые! Или ты не настоящий ученый?

Фраза задела Райана, будто его обвиняли в том, что он напечатал свой диплом на принтере.

– Ученой степени у меня нет, как ты правильно заметил, но я всегда увлекался программированием и достиг в этом успеха, – спокойно ответил он.

– Талантливые самоучки вроде тебя...

– Гениальные, – мягко, но уверенно перебил его Райан.

– О! Гениальные самоучки такие зазнайки. Думают, что могут совершать чудеса воскресения и берут на себя обязанности самого Бога. Как ты насчет этого?

– Кажется, ты говоришь о ком-то другом. Можем его обсудить, – пошутил Райан.

– Тогда разубеди меня. Говорят, в твоём родовом гнезде, а иначе это место не назовешь...

– Он повернулся прямо в камеру. – Знаете, такой серый неприветливый гигант из камня, напичканный всякими древностями, вроде подземных захоронений, пахучих гобеленов и тайных комнаток то ли для пыток, то ли для извращенных увеселений. Короче, – он снова повернулся к Райану, – в Замке теперь живут несколько покойников. У-у-у, жуть!

– Никаких покойников в Замке нет, Мишико. Я здесь, чтобы развенчать эту бредятину. Мертвые не воскреснут, как бы мы этого ни хотели. Проект был создан не для того, чтобы из могил вылезали обглоданные червями останки. Он создавался для тех, кого умершие оставили на Земле жить дальше в одиночестве и унынии, с болью потери, которую не в силах исцелить время.

Мишико секунду помолчал, обдумывая его слова. В его глазах вместо веселых искорок промелькнула печаль, будто где-то в глубине его души загорелся, прикрыв занавес бурлеска, живой человеческий огонек.

– Так что же они такое, твои «воскресшие»? Иллюзии, фантазии, миражи?

– Все вместе и ничего одновременно, – продумывая каждое слово, ответил Райан. – Посмотри вокруг. Станции виртуальной реальности позволяют создать подобие настоящего мира. Они так высокотехнологичны, что люди порой забывают, где реальность, а где виртуальная проекция. Иллюзию можно трогать, обходить со всех сторон, мять, ломать, принашиваться к ней, короче, все как в реальной жизни. Изменилось восприятие. И эмоции, вызываемые иллюзиями, теперь самые что ни на есть настоящие. Так?

– Удивил.

Мишико снял с пальца кольцо и швырнул его в созданную программой виртуальную стену. Оно со звоном отскочило и упало на пол.

– Такие теперь есть в каждом доме.

– Предположим. А что, если мы наденем тебе на голову созданный мной нейронный дешифратор, и станция в режиме реального времени считает и сгенерирует для тебя тех, кого ты потерял, прямо из твоей памяти?

– Отключится станция виртуальной реальности, и они исчезнут?

– Включится станция, и они появятся снова. Их коды будут записаны на защищенные диски. Фактически, мои воскресшие не зависят от физического присутствия того, кто их помнит.

– Если ты говоришь, что они сотканы из памяти, то постоянно воспроизводят те моменты, которые были записаны через дешифратор? Например, повторяют одни и те же диалоги из прошлого. И как ты предлагаешь близким с ними прощаться? Это же цирк какой-то... Жена говорит мужу: «Прости, дорогой, что я тебя грохнула, ударив молотком по тыкве, я так и не успела сказать тебе, как мне жаль». А он такой: «Ты не видела мой носок, дорогая, он куда-то запропастился?»

Мишико весело засмеялся. Но Райан знал, что на самом деле ведущий крепко обдумывает все сказанное и понимает, что за шутками кроется сенсация, которую он не имеет права выпустить из рук.

– Совсем не так. Создать полное подобие умершего человека было для меня не таким уж трудным делом, – продолжил Райан.

– Да что уж там, гению и море по колено, – махнул рукой Мишико.

Он снова пускал развлекательную пыль в глаза зрителю, но весь напрягся в ожидании следующей фразы своего удивительного гостя.

– И я предусмотрел, что этот, как ты выразился, «цирк» испортит нам весь замысел, – продолжал Райан. – То, что хранится в памяти человека и считывается моим дешифратором, – это больше чем воспоминания. Мы можем смотреть и не видеть, видеть и не замечать, замечать, но игнорировать. А память, как восковая дощечка с отпечатками, хранит все детали. Поэтому проекция воскресшего содержит в себе личность человека, каким он был на самом деле, и ее поведение тоже естественно.

– Райан, а ты уверен, что это нормально? Люди рады обмануться, но что потом?

– Главное – это вера. Обиженный ребенок прижимает к себе своего друга, плюшевого мишку, и успокаивается, не раздумывая о том, что в руках у него тряпка с наполнителем. Человек должен прийти в Замок, чтобы отпустить свою боль, попросить прощения и получить его в ответ, обнять и быть обнятым, отдать любовь без остатка и почувствовать себя любимым. Только тогда грусть уйдет, последнее «прощай» обретет смысл и, выходя за ворота Замка, доброволец начнет новую жизнь. Предназначение воскресшего будет исполнено, и он будет стерт с диска.

Райан на секунду замер. Когда он летел сюда, в его голове крутились мысли, подобные кодам: четкие, ясные, холодные, факты и статистика. Но вдруг Райан стал тем, кем был на самом деле глубоко внутри, под слоями защитного панциря: человеком, который умеет любить и чувствовать.

А перед ним сидел такой же подлинный Мишико. Наверняка он думал о ком-то из тех, кого потерял. Его руки спокойно легли на колени, пальцы с длинными красными ногтями расслабились, губы перестали кривиться в насмешке, и он едва заметно улыбался, как дети улыбаются своим мечтам.

– И что же ты придумал? – спросил он по-дружески.

– Я нашел способ дать виртуальным проекциям интеллект андроидов первого выпуска. Кажется, весь мир застыл, ошеломленный.

– Еще миллиард зрителей подключились к эфиру!

Мишико в блаженстве закатил глаза и воздел руки к потолку, благодаря невидимых богов.

– Это твой звездный час, – улыбнулся Райан.

– Брось, дорогой, вся слава сегодня – твоя. То, что будет во второй части, – сюрприз для аудитории. Мы следили, чтобы ни одного слова не просочилось в интернет раньше времени. Только скажи заранее, кого ты намерен воскресить?

– Собаку моей невесты Мэри Филлипс. Я знакомил тебя с ней пару лет назад. Надеюсь, она не обидится...

– Собака вряд ли будет в претензии. Ха-ха! А вот мисс Мэри как следует тебе выплет.

Перерыв на рекламу подходил к концу. Они стояли у кресла экстракции. Чем больше Райан на него смотрел, тем больше оно напоминало ему агрегат для садо-мазохистов.

– Но я бы хотел от тебя чего-то более личного, чем собака. Ты знаешь, о чем я.

Райан почувствовал, как страх карабкается по его нутру вверх, к сердцу, к горлу.

– Даже не думай. Поменьше верь слухам и не вмешивайся в мои личные дела, – сказал он холодно.

– Ну как хочешь. Собаки будет достаточно.

После того, что сказал Мишико, Райан нервничал. Как некстати он напомнил ему о самом важном, что не должно было ни при каких обстоятельствах всплыть перед глазами многомиллиардной аудитории. Он должен контролировать свои воспоминания. Обязан!

Камеры включились снова. Мишико возвышался над Райаном, делая вид, что поудобнее устраивает его в кресле.

– Позволь за тобой поухаживать, – сказал он серьезно.

Над его коротко стриженной головой светили яркие желтые студийные лампы, создавая вокруг Мишико нечто вроде нимба. Бриллиантовые серьги отражали свет, преломляли во все цвета радуги, и Райан вспомнил заколки Мэри. Драгоценные камни были ее страстью. Он понял, что привезет ей в подарок из Лондона, и улыбнулся.

Пока камера объезжала кресло по кругу, Мишико прикрыл ладонью микрофон.

– Слушай, подумай над моим предложением, что-то личное во время экстракции – это будет бомба. Это тронет людей до глубины души. Ты завладеешь их сердцами.

– Я не такой человек, Мишико. Во многом не готов признаться сам себе...

Камера приближалась к креслу. Мишико все еще держал ладонь, прикрывая микрофон.

– Я через многое прошел, чтобы принять себя таким, какой я есть. Это освобождение. Позволь себе то же самое.

Под ослепительным светом Райан не столько увидел, сколько почувствовал, как Мишико надевает ему на голову нейронный дешифратор. Люди удивились бы, узнав, что Райан ни разу в жизни до этого не пользовался собственным изобретением. Нет, он не боялся. Просто Мишико был единственным, кому Райан поведал сущую правду – во многом он не признавался себе, многое хотел вычеркнуть из памяти. Но почему-то у него так ничего и не получилось.

Виртуальная проекция стен в студии менялась. Задник волновался, кое-где покрывался рябью, и Райан понял, что вот-вот увидит знакомую картину. Озеро Замка проявлялось из мутной виртуальной дымки. Широкое, бескрайнее, с покатыми краями, кое-где заросшими камышом.

– А где желтые барьеры «Моисея»? – с саркастичной улыбкой прошептал Райан.

– Они портят всю картину, – тихо ответил Мишико и повернулся к камерам.

– Честно говоря, когда Райан согласился приехать в студию, у нас началась настоящая потасовка. Каждый мечтал примерить на себя нейронный дешифратор и посмотреть, кто же выйдет из озера. У некоторых членов съемочной группы могли получиться улетные покойнички. Но ты, – он ткнул Райана длинным ногтем в грудь, – всех нас обломал. Ну да ладно. Итак, приступим.

Заранее проинструктированные программисты канала подключили привезенную Райаном станцию. Повернув голову, он смотрел на озеро, словно настоящее, и близкое и далекое. Давно ли настало время, когда люди перешагнули границу и перестали отличать реальность от виртуальной проекции? С воды дул легкий ветер, приносил запахи, но все же это была не та прохлада и не совсем тот аромат травы на берегу. Все казалось и тем, и не тем одновременно. Мелкие нестыковки, едва заметные глазу, едва ощутимые, они сбивали с толку, смущали и не давали до конца обмануть себя.

– У нас в Замке все немного иначе, – сказал Райан, всматриваясь в подготовленную художниками виртуальную проекцию. – Здесь я чувствую обман, иллюзию, мой мозг вопит о неувязках. А теперь я запущу дешифратор, и он спроецирует через станцию виртуальной реальности мое собственное воспоминание об озере.

– Кстати, а почему воскресшие выходят из озера? – поинтересовался Мишико.

– Может быть, потому, что жизнь на Земле зародилась в воде... А может быть, потому, что озеро для меня многое значит. Воскресшие могли бы появляться откуда угодно, но я решил так, как решил.

Задник снова начал меняться. Едва заметно: кое-где береговая линия стала четче, темнее, по траве поползли тени, оживив ее, вдоль газона протянулся след отводного канала, который Нис и его андроиды выкопали на днях. Над водой поднялись желтые барьеры «Моисея» с россыпью датчиков, на поверхности дрейфовала птица. Она заныривала маленькой головкой и тут же выныривала обратно, беспокойно отряхиваясь и поводя крыльями. Да и сам воздух стал другим – сладким, прохладным, легким.

Райан был дома.

– Видите разницу? – спросил Райан. – Художники отрисовали проекцию по фотографиям и видео. Это совсем другое. Чтобы по-настоящему увидеть то, что вы любите, оно должно быть соткано из вашей памяти. Потому что для каждого из нас одни и те же места и люди все же немного разные. Я создавал дешифратор именно для этого. Ни один ныне существующий прибор, кроме моего, на такое не способен! Именно поэтому воскресшие будут такими, какими их помнят добровольцы, такими, какими они были именно для них при жизни. Я называю это чудом и горжусь своим изобретением.

Мишико задумчиво провел пальцем по губам.

– Готовы ли мы к тому, что сейчас увидим? – спросил он, поворачиваясь к одной из камер.

– Готовы, – ответил Райан за несколько миллиардов зрителей и, откинувшись на изголовье, прикрыл глаза.

Часть его воспоминаний проецировалась вокруг него. Подвал Замка, детский смех, отскакивающий эхом от влажных стен, едва освещенный погреб и темные взгляды бутылочных стекол, сотни пытливых глаз, вззирающих на него, восьмилетнего, со своих деревянных стеллажей. Секунда, пара секунд, они взметнулись и растаяли.

Мишико, окруженный этими видениями, сидел не шевелясь, только успевал поворачивать голову. Съёмочная группа не двигалась с мест. Они застыли, будто статуи, пораженные реальностью происходящего.

Райану восемь, Мэри шесть. Должно быть так. В тот день Мэри потеряла своего пса Арчибальда навсегда. Но ни собака, ни Мэри не появлялись, потому что мысли Райана, как назло, уносились все дальше и дальше от того, что он хотел показать зрителям.

Толстые древесные стволы, недвижимые, они загораживают двенадцатилетнему Райану путь. Упругие мхи пружинят под его ногами, повсюду валяются тонкие прутья, ветки шелкают и подламываются, когда белые кеды Райана наступают на них. Красная ягода спряталась под листом – никто не учил его отличать ядовитые ягоды от съедобных, поэтому Райан, с опаской покосившись на спелую бусину, идет дальше. За деревьями шорох. Он знает, что в лесу никого нет. Потому что никогда не было – за все годы он ни разу не встречал в землях Замка чужих людей. Но это не человек.

Райан заерзал в кресле экстракции. Воспоминания сами шли к нему на зов. Опасные, сокровенные. У него был четкий план – собака Мэри. Все посмеются, поохают, подивятся. А все, что важно для Райана, так и останется не разворошенным. Но теперь все выходило из-под контроля. Он хотел остановиться, но почему-то не мог.

Он стоит как вкопанный. За деревьями что-то движется. Большое и неторопливое. Оно важно ступает по мхам, и кажется, весь лес расступается перед ним. Самец оленя, красивее которого Райан никогда не видел. На стене в холле Замка висели десятки оленьих голов, но ни одна из них не могла тягаться с этой гордо поднятой, массивной, шумно дышащей головой. Олень шел к Райану неспешно, поводя носом в воздухе, и совсем его не боялся, потому что Райан был меньше самца и казался олененком по сравнению с ним. Сильные ноги делали шаг за шагом, не перетаптываясь в страхе, но целенаправленно, смело, и каждое движение самца было ладным и уверенным. Он подошел так близко, что Райан ощутил его травянистое дыхание. Олень поднял голову вверх – рога, ветвистые, плотные, будто корона властелина мира, а через них с неба светит солнце и кажется, что он держит светило рогами, словно так оно и должно быть.

Райан был рад этому воспоминанию, хотя и боялся его. Потому что то, что пришло вслед за ним, было страшным.

Он отдал бы все на свете, чтобы остановиться сейчас. Но сила прошлого тянула его за собой, волочила, сбивала с ног.

Кровавая полоса на полу от входа в дом, она тянется до самой кухни. Толстая красная полоса, ее ничем не отмыть, сколько бы прислуга ни терла ее тряпками. В его руках топор, удобный, легкий, идеально лежит в ладони. Руки бессильно повисли вдоль тела. Входная дверь открыта. В дом вползают гонимые ветром осенние листья и прочий мелкий мусор. Бирн О'Коннелл стоит в проеме – спина все еще в тени, подпирает холодную ночь. Райану страшно до смерти. Он хочет бежать, но не может сдвинуться с места.

Впервые за много лет он снова увидел его, Бирна О'Коннелла, своего деда, который так и остался настоящим хозяином Замка и по сей день.

Озеро наступает. Райан не делает ни шагу вперед, но озеро само идет к нему навстречу. Как такое возможно?

Собака Мэри забыта. Шутка не удалась. Все, что должно было остаться в глубинах души, выходит наружу, как подземные воды, разливаясь и ширясь. Зрители приклеены к экранам. Они жаждут видеть, они жаждут знать, они жаждут убедиться, что этот человек, лежащий в кресле экстракции памяти, сможет сотворить нечто подобное и для них самих. Ткань времени с треском расходится, швы рвутся, в полотне настоящего зияет необъятная дыра, гигантский глазок, через который видно все, и ничего нельзя скрыть.

Мэри сидит на корме лодки. Ему шестнадцать, ей четырнадцать. Она такая красивая, его светлячок. Рыжие волосы, встрепанные ветром, свисают к поверхности воды – мелькнула и исчезла серая длинная тень. «Рыба, большая», – ее голос немного настороженный, не такой веселый, как обычно. Потому что они оба знают, сейчас что-то случится.

Райан окончательно потерял контроль. Его тело в кресле экстракции памяти лежит, будто кукольное, набор костей, мышц и кожи, а память скачет галопом взбесившейся лошади.

В озере очень холодно. Тень Мэри едва видна под толщей воды. Пузыри воздуха поднимаются мимо Райана к поверхности. Он тоже уходит на дно, не сопротивляясь. Длинные листья озерной травы касаются его голых щиколоток. Достаточно опустить глаза вниз, и он увидит ее – рыжие волосы, бледное личико, испуганные глаза. Наверное, они заслужили уйти так, вместе. Или не заслужили даже этого? Днище лодки качается над его головой, высоко, недостижимо. И что-то страшное таится в ней, в безобидной деревянной лодочке, все зло мира, глубоко ненавидимое им, отчаянно пугающее, зло, которое он так и не смог победить. Растянутая нить времени снова сворачивается в клубок: Мэри из лодки смотрит на рыбу, промелькнувшую у поверхности. Кровавая полоса в холле стягивается к двери, дед Бирн исчезает в холодной осенней ночи. Топор повисает на стенке стеклянного шкафа.

Мэри показывает пальцем на светлячков – она счастлива, и ее лицо озарено их магическим светом. А теперь они бегут по погребам Замка. А вот и пес Арчибальд. Мэри, совсем еще малышка, сидит на дороге, склонившись над его изувеченным автомобилем телом и содрогается от рыданий (как глупо, как эгоистично было шутить над ее болью, собираться воскресить собаку на потеху публике!).

А вот Райану года три, он стоит в холле Замка и смотрит вверх – дед Бирн спускается по ступеням, чтобы впервые взглянуть на своего внука. Рука отца, до того крепко державшая его ладонь, отдергивается, и мальчику становится страшно. Бирн смотрит на него сверху вниз внимательно и властно, и отныне его власть будет над Райаном всегда.

Остался лишь один узелок времени: Мэри с криком падает в воду, в руке Райана застыло весло, на конце которого алеет пятно крови. Последний узелок наконец развязан.

Озеро посреди студии волнуется. Из него быстрыми уверенными шагами выходит нечто, вздымая воду вокруг себя, вспенивая ее, сводя Райана с ума. Странная форма – широкая, прямоугольная, разлапистая. Нет, это не человек. Рога показываются из воды, ветвистые и могущественные, сколько озерных трав уместилось на них, с них стекает вода. Из озера выходит он, самец оленя. Уверенным прыжком выскакивает на берег, оглядывает Райана, лежащего в кресле экстракции, пораженного Мишико и застывшую съемочную группу и удаляется по направлению к виртуальному лесу.

Райан срывает с головы нейронный дешифратор. Он провалил интервью.

Перерыв на рекламу даст ему время собраться с мыслями.

– Что за черт?

Мишико в ужасе уставился на Райана. Он снова отключил микрофон.

– То, что мы видели, выглядит очень дурно, Райан, прямо-таки жутко!

– Да все в порядке! – замотал головой Райан. – Я сам не понял, куда меня понесло. Это просто осколки памяти. Не вздумай сказать в эфире нечто подобное. Все и так печально, теперь в проект никто не придет, я испортил все дело.

Мишико удовлетворенно похлопал Райана по плечу.

– Ну нет. Видно, что ты ни хрена не смыслишь в сенсациях. Это бомба, дорогой, атомная бомба. Теперь держись, люди наводнят Замок и будут умолять тебя принять их в программу. А мне ты сделал рекордный рейтинг.

Рекламная пауза окончилась. Программисты вытащили диск, на котором было записано все, что только что происходило у Райана в голове, отключили станцию виртуальной реальности, уложили ее в кейс и вместе с дешифратором отдали Райану. Он едва ли запомнил, как

Мишико прощался с ним под бдительными взглядами камер. Райан что-то говорил зрителям на прощание, благодарил за приглашение в студию, его слова сами выстраивались в правильные фразы, но мозг отказывался думать, из Райана вышли все силы.

Он сядет в такси и через полчаса будет в гостинице. Спать и не видеть снов – и по-детски надеяться, что ничего этого не было на самом деле.

Мэри пообещала себе не смотреть эфир – своим тайным отъездом Райан дал ей понять, что ее это не касается. Она прошла по узким витиеватым тропинкам сада, обогнула беседку, белые занавеси которой взлетали и опали на ветру, и наконец нашла того, кого искала. Кэссиди сидела на земле, она собирала виртуальное «Лего». Ее серая вязаная кофта с растянутыми рукавами так подходила к ее серым глазам. Мэри погладила девочку по голове.

– Я скачала тебе новые приложения. Попроси у Четверки, она поставит тебе что-нибудь новенькое из игр.

– Да ну их, нет настроения, – пожал плечами Кэссиди. – Ева не хочет со мной играть, и мне скучно.

– Ей шестнадцать, тебе десять. Предложи ей «Визиря Безантиума». Игра закачана в станцию. Думаю, она подойдет вам обоим.

Кэссиди повеселела. Она пнула виртуальную станцию, и та аварийно отключилась. Рождественский домик эльфов рассыпался на разноцветные детали, и те растаяли без следа. Девочка скрылась за кустом желтого дрока, только ее голос, выкликавший имя Евы, разносился над садом.

В кармане весело заверещал телефон. Мэри надеялась, что Райан, наконец, напишет ей, хоть что-нибудь. Она не любила, когда он уезжал, не простившись. Но это был Нис.

«Что делаешь вечером?» – куча разномастных смайликов, значение которых ей было лень расшифровывать.

«На гидрологической станции заняться нечем?» – ответила она вопросом на вопрос, представив, как Нис коротает время в одиночестве, на посту, среди мигающих датчиков и ему совсем не с кем поговорить. Андроиды шестой серии были неразговорчивы, и толку от бесед с ними было мало. Если они не выполняли приказы, то сидели неподвижно, сканируя внутренние процессы.

«Слышал, Райан свалил. Не хочешь прогуляться?»

После имени Райана Нис наштамповал смайликов в виде кучек дерьма. Мэри хихикнула.

«Как ты узнал?»

«Я на тебя подписан, не забыла? И нет, интервью смотреть не буду, даже не умоляй. Мне достаточно его физиономии тут, под боком».

«Завязывай с оскорблениями. Дай мне подумать до вечера. Если освобожусь, свистну».

Рядом с Нисом она снова превращалась в семнадцатилетнюю девчонку: забавную, безбашенную, которая сначала делала, а потом соображала, что натворила. С ним она становилась собой, по-настоящему глубоко дышала.

В Замке было тихо и прохладно. Четверка чистила ковры, в коридоре стоял удушливый запах мокрой шерсти, смешанный со сладким запахом чистящего средства.

– Я иду в мастерскую. Надеюсь, ты не будешь опять преграждать мне дорогу?

– Нет, но если хочешь, могу проводить тебя, – спокойно ответила Четверка, стараясь выполнить свое обещание Райану как можно лучше.

– Не надо, спасибо. Если что, я позову, – сказала Мэри и улыбнулась. Четверка заботилась о ней как могла, и Мэри ценила это. – Прости, ладно? Я не должна была тебе грубить. Ты член нашей семьи, всегда помни об этом.

– Хорошо, – на лице Четверки не дрогнул ни один мускул.

Как же она отличалась от Омеги! Будто они были двумя разными существами, хотя на самом деле сошли с одного конвейера и выглядели, за исключением скальпированного черепа Четверки, одинаково. Но «человеческая» суть Омеги делала ее уникальной, и прекрасное лицо, на котором сменялись сотни эмоций, невозможно было забыть.

Мэри прошла мимо библиотеки. Высокие шкафы с книгами навевали на нее сон. В детстве, когда она навещала Замок, то обходила это место стороной. Мэри помнила, как торчала в ярко-желтом плаще под проливным дождем и с улицы через широкое окно показывала Райану язык – тот делал вид, что усердно читает очередной скучный талмуд. Каждый закоулок Замка напоминал ей о нем. Тут они как-то подрались за джойстик от «икс-бокса», там она вылила ему на голову ягодный морс, когда он обозвал ее дурой, а в кладовой все еще лежала швабра, с которой Райан гонялся за ней по всему дому в надежде огреть ее по спине.

Мэри свернула в узкий коридор с единственной дверью. Из подвала потянуло сквозняком. Тоннель, ведущий в мастерскую, напоминал длинную холодную пещеру. На полу уже которую неделю росла лужа – подземные воды просачивались откуда-то из щелей, из крысиных ходов. Но в самой мастерской было тепло и уютно, в углу горел приглушенный свет. Ящик с инструментами, печь для обжига, дубовый стол с расцарапанной столешницей. В глубоком мягком кресле по-хозяйски раскинулся плед цвета спелой сливы, вязанный крупными косами. «Вот ты где», – Мэри ухватила бутылку виски, забытую на столике возле кресла. В бокале напиток казался насыщенным янтарем, смолой, спустившейся с дерева жизни с десятков лет назад.

На черном от ожогов паяльника столе лежала еще не законченная работа – крошечная, выложенная из серебряной паутинки северная башня Замка с арочным окошком. Мэри подставила заготовку под линзу, зацепила ставню пинцетом – окно отворилось, так же как в настоящей башне Замка. Она провернулась на табуретке, собираясь с мыслями.

К Неделе моды Мэри успевала создать десятки изысканных заколок за пару месяцев, но теперь работа шла с трудом. Ей казалось, что она живет чужой жизнью, отдает всю себя добровольцам, воскресшим, но это было детище Райана. Ее собственное детище, ее вдохновение, так и лежало заготовками. Одна заколка, вторая, третья, спрятанные в ящике стола, живой укор их создателю. С тех пор, как Райан привез Мэри в Замок, ни одна заколка так и не была закончена. Мэри нашла на телефоне любимый трек-лист, взяла со стола деревянную шкатулку. Десятки драгоценных камней на бархатной обивке – живые, алчущие света и внимания, они переливались немислимыми цветами. Райан считал, что шкатулку нужно прятать в сейф, но Мэри все упрямылась, держала ее незапертой на рабочем столе.

«Кто я?» – она перебирала камни, едва касаясь, поглаживала их кончиками пальцев: зеленые изумруды, алые рубины, голубой аквамарин, розовый империал. Камни думали, смотрели на нее со дна шкатулки и решали, кем будет их Мэри. Глубоким синим сапфиром? Отчего же? В ней нет ничего от вечернего неба. Фиолетовым аметистом? Да нет же! Разве похожа она на лавандовое поле, купающееся в июльском ветре? Она грустна немного, чего-то ждет, волосы рассыпаны по плечам, как рассыпаются осенние листья. Да, она – осень, их Мэри, вот она какая. Камни поворочались в шкатулке, совещаясь, и наконец цитрин выступил вперед. Оказавшись в ее руках, камень засверкал всеми оттенками оранжевого. Словно апельсиновый сок, свет лился из его нутра при ярком свете лампы на столе, а в полутьме мастерской затихал, превращался в густой мед. Мэри приложила локон к камню – почти идентичны. «Я знала, что вы не подведете», – она закрыла шкатулку.

Но до темноты Мэри так и просидела над столом, перебирала обрезки серебряной нити, вертелась на стуле, прохаживалась по мастерской. Отовсюду играла музыка – Четверка развесила колонки так, что Мэри утопала в мелодии. Бутылка быстро опустела, а на столе так и лежал медовый цитрин. Он был ею самой, неприкаянный, потерянный, забывший нечто важ-

ное, о чем уже и не вспомнить. Только мысли о Нисе рассеивали тоску. Мэри отчаянно искала путь к себе самой, к жизни, которую оставила ради Замка, и Нис иногда казался ей путеводной звездой к свободе.

Телефон молчал. Мэри то и дело проверяла уведомления – ничего. В коридоре раздался плеск, словно кто-то шагнул по растекшейся по полу луже.

– Четверка, ты? – прокричала Мэри, приглушив музыку. Ответа не последовало.

Она выглянула за дверь. В пустом коридоре только монотонный стук срывающихся с потолка капель. «Еще пара месяцев, и придется переносить мастерскую из подвала наверх. А погреба... Что будет с ними?» Мэри обулась в высокие резиновые сапоги, которые теперь хранила здесь на случай потопа, и прошлепала по тоннелю к разбухшей от сырости двери. В системе лазов под Заком разобраться было почти невозможно. Многие коридоры переплетались, выстраивались один над другим, вели в тупики или, наоборот, закольцовывались, и, как в страшном сне, выбравшись из очередного узкого прохода, рано или поздно заблудившийся путник снова попадал в то же самое место. Но Мэри знала Замок как свои пять пальцев. В детстве они жили с Райаном по-соседству, и проводили здесь за игрой в прятки целые дни. Она ловко пригибалась под каменными уступами, открывала скрипучие двери, шагала по темным коридорам, узким, как кротовьи ходы, и наконец вынырнула у самого погреба.

Между стеллажами было сухо. Бутылы спали мирным сном, и Мэри ступала по погребу тихо, чтобы не нарушить их покой. Краем глаза она заметила быстрое движение. Смех, отрывистый, воскресший в памяти на секунду. Ее смех. Он отразился эхом от стен. Порыв ветра сквозняком метнулся к выходу и, хлопнув дверью, исчез. От страха Мэри подпрыгнула и зажала рот рукой. «Этого не может быть... Где Четвер...» Она оставила телефон в мастерской. В притихшем погребе не было ничего, что могло бы связать Мэри с внешним миром. Между стеллажами в углах шевелились тени. Воскресшие?

– Освальд? Акира? Кто там? – голос осип, будто она больна ангиной.

Замок был полон привидений, и кому, как не Мэри, было зорко бояться их. Но все равно страх сковывал ее. Неуверенными шажками она обходила погреб в надежде, что сюда забрел один из воскресших и теперь, по старой привычке из прошлой жизни, инспектирует коллекцию бутылок.

Никого. Только сама Мэри остановилась посреди погреба, и ей казалось, что звук ее дыхания стал громким, как паровозный гудок.

– Я дружу с тобой только потому, что больше не с кем, – злой голос Райана раздался прямо над ее ухом, преодолев годы.

Мэри стало не по себе, ее затягивало в воронку прошлого. Дверь в погреб открылась и захлопнулась снова, быстрые удаляющиеся шаги в коридоре. Столько лет прошло, а Мэри все еще помнила, куда нужно заглянуть. В темном уголке под навесным деревянным шкафом с раритетным виски сидела совсем юная Мэри, скрючившись на полу, и обиженно плакала, вытирая красный нос тыльной стороной ладони.

– Господи, что здесь происходит? – она ворвалась в кухню, опрокинув стоящий на пути стул.

Четверка подняла глаза и молча посмотрела на перепуганную Мэри.

– Там в погребе... Я и Райан... В детстве! Да я себя только что видела!

Пока Четверка разобралась, в чем дело, Мэри успела немного успокоиться.

– Где аппаратура из крипты?

– Райан забрал ее на интервью в Лондон, – ответила Четверка, наливая Мэри горячий чай.

– Что? Он совсем сдурел?

Она уже догадалась, на ком именно он решил показать, как работает нейронный дешифратор, и почему она увидела в подвале то, что увидела...

– Так же нельзя!

Теперь Мэри знала, с какой целью Райан не сказал ей ни слова, когда уезжал. Если он затевал глупость, то проворачивал ее тайком, будто школьник, ворующий записку марихуаны из родительской спальни.

– Он хочет доказать миру, что все происходящее в Замке – это наука. Никакой охоты на ведьм и колдовства. Райан должен показать себя ученым, а не шарлатаном и фокусником. То, что сейчас думают о нас люди, никуда не годится. Пусть раскроет перед ними всю схему работы: от дешифратора до озера. Проекту от этого будет только лучше.

С Четверкой было трудно не согласиться. Мэри стало немного легче, страх прошел, осталась только обида на Райана, который снова оставил ее за бортом собственной жизни, не удосужившись рассказать о своих планах.

– Неужели он показал на себе, как работает система? Перед всем миром?

– Именно так. Станция виртуальной реальности завязана на наши системы, где бы она ни находилась. Поэтому в погребке проявились старые воспоминания. Наверняка их было не много, только самые безобидные, – заверила Четверка. – Если нужно, я принесу твой телефон из мастерской.

Мэри поплелась в свою комнату. Лежа в постели, она никак не могла уснуть. От Райана все еще не было ни строчки, и теперь это сильно расстраивало Мэри. Он не посвятил ее в один из самых важных замыслов, в детали интервью, от которого зависела судьба всего проекта. И вдруг Мэри отчетливо осознала, что никогда не была для него ни другом, ни соратницей, ни партнером. Она свернулась в клубочек и заплакала так же горько, как тогда, в погребке, много лет назад: красный нос и опухшие глаза, слезы обиды текут, и Райан ни за что не попросит прощения, не такой он человек.

Телефон на тумбочке заверещал. Мэри покосилась на него, надула губы и отвернулась. Но любопытство взяло верх.

«Освободилась?» – и рядом цветочек, трогательная голубая незабудка.

Что бы там ни происходило у них с Райаном, для Ниса она была всем.

«Типа того. Куда идем?»

«В лес. Я у восточных ворот, где контейнеры с компостом. Поторопись, от них такая вонь, что сейчас стошнит!»

Мэри засмеялась. Она вскочила с кровати, натянула джинсы, накинула кофту, обула кроссовки, прихватила волосы заколкой с серебряным светлячком и, тихо ступая по ковру, прокралась на первый этаж. Четверка прибиралась в гостиной. Мэри, стараясь не скрипеть половицами, выскочила в коридор и выскользнула на улицу через заднюю дверь.

Ночь пахла свободой. Усеянное звездами небо было черно, как траурная вуаль вдовы. Цветы пахли оглушительно, пленяли и манили. И если день благоухал сладким вереском, то ночь была околдована миндалем, дымом, едкой горечью, наполнявшей ее до краев.

– Я не могу открыть ворота, мой чип сразу отметится в системе, и Четверка поймет, что я ушла.

Мэри держалась за холодные прутья ограды, ее карие глаза горели огнем восторга.

– Ты тут пленница что ли? Смотри, могу разнести этот обветшалый домишко к чертям собачьим, – пробасил Нис, просовывая к ней руку сквозь толстые прутья.

– Не тупи, я перелезу как-нибудь.

Мэри озиралась по сторонам в поисках плацдарма.

Через минуту она уже карабкалась на разлапистое дерево, с ветки которого могла перепрыгнуть через ограду.

– Штаны не порви, чудачка! – Нис приготовился ловить ее. – Боишься собственного андроида, она тебя что, отшлепает? А ногу сломать сейчас ты не боишься... Осторожно!

Сук хрустнул под весом Мэри, но все же выдержал, и она без страха ослабила хватку, чтобы спрыгнуть в объятия Ниса.

С опушки виднелись высокие башни Замка и весь верхний этаж – в спальне Мэри остался гореть приглушенный свет. По ночам лес казался черным и непроглядным, будто состоял из цельного куска угля. Держась за руки, они вошли в ночь, настоящую, осязаемую, насквозь пробирающую холодком. Упираясь верхушками в небо, вокруг шептались кроны деревьев.

– Знаешь, куда именно мы идем? – спросил Нис, кивнув в сторону сгущающейся между деревьями темноты.

– На поляну, куда же еще, – ответила Мэри, ускоряя шаг.

Здесь ей было хорошо, спокойно и совсем не страшно.

Так они и шли, крепко держась за руки, переговариваясь и хихикая. Вдалеке засиял призрачный желтый свет. Они подошли ближе, спрятались за деревом.

– Поляна светлячков, – Мэри ткнула Ниса в бок, за что он шлепнул ее пониже спины. – Да погоди ты, отвали.

– Ты реально пошла со мной в лес ночью и думала, что я буду вести себя как джентльмен? – прошептал Нис, покусывая ее за мочку уха.

– Пошли лучше туда.

Прижавшись к земле, Мэри поползла к озаренной светом тысяч светлячков поляне. Нис обреченно вздохнул и пополз следом.

Они сидели на земле, смотрели на неутомный рой крохотных фонариков, кружащих над ними.

– Как здесь красиво, – покачала головой Мэри. – Но это не наше с тобой место. А наше с Райаном. Он даже называет меня «светлячок».

– Вот только он тебя сюда не отведет, – заметил Нис, и Мэри удивилась, насколько хорошо он знает Райана. – Сколько раз с тех пор, как вы приехали, ты была здесь с ним? Спорю, что ни одного. А я знаю, как тебе здесь нравится. Теперь это наше место. Как ты не поймешь!

– Чего? – коротко спросила зачарованная Мэри.

– Того, что я люблю тебя с самого детства. И не перестаю любить ни на минуту.

– А-а, ну это я знаю. Я тебя тоже люблю.

Слова так просто сорвались с ее языка, и снова она провалилась во временную дыру. Ей опять восемнадцать, они с Нисом валяются под звездным небом пьяные и счастливые. Теперь она думала, что в Замке не действуют законы времени: воскресшие, чужие потери, их с Райаном и Нисом жизни, все это сбило какие-то невидимые временные настройки, и в землях Замка то и дело нарушаются законы физики и логики, и прошлое путается с настоящим, смешивается и разделяется снова.

Нис потрогал заколку в ее волосах. Отполированная серебряная пластина на спинке светлячка отражала искристый свет. Его зеленые изумрудные глазки мерцали в темноте, загадочные, озорные. И сама букашка была такой ладной, искусно сотканной из тончайших серебряных ниточек, легких и прочных одновременно.

– Ты такая талантливая, – прошептал Нис и коснулся носом шеи Мэри.

– Мои заколки – это моя память. Книга жизни. Райан воскрешает чужое прошлое, а я – свое. По сути, мы с ним заняты одним и тем же.

Они так и сидели на траве, упоенные волшебной ночью. Им было по-настоящему хорошо вместе.

Лезвие гильотины

– Уважаемые пассажиры, наш самолет совершил посадку в аэропорту города Дублин...

Дальше Сибиряк уже не слушал. Он не успел выспаться за время перелета из Штатов. После взлета сон долго не шел, и он беспокойно ерзал в кресле. Каждый раз, когда Сибиряк добывал поддельные документы, ему казалось, что изобличение неминуемо, но уже несколько десятилетий он чудом избегал неприятностей. И вот теперь впервые за тридцать лет он покинул США и прошел самый бдительный из всех контролей – пограничный. Его молодое открытое лицо, голубые глаза и русые волосы, аккуратно уложенные на пробор, как у мальчика-отличника, ни у кого не вызвали подозрения. Но это была половина дела. Теперь оставалось пройти контроль на выходе, и тогда можно будет окончательно расслабиться.

Над Дублином садилось солнце. К борту самолета подъехал трап, и все еще сидящий в кресле Сибиряк, не торопясь к выходу, рассматривал пассажиров бизнес-капсулы, вышедших первыми. Один из мужчин, спускавшихся с трапа, привлек его внимание. За восемьдесят лет жизни Сибиряк научился безоговорочно доверять внутреннему чутью, подаренному ему могучей природой русской тайги, в которой он родился и вырос. И это чувство ни разу не подводило. Его охватило острое неприятие, почти отторжение к этому коренастому, крепкому мужчине с широкими плечами и неестественно прямой спиной. Мужчина наконец повернулся вполоборота, и Сибиряк узнал профиль несимпатичного собеседника из придорожного кафе в Калифорнии. Хантер – так, кажется, его звали. Сибиряк приник к стеклу иллюминатора, но знакомец уже сел в поданный к трапу электрокар.

Пройдя к пограничному контролю, Сибиряк встал в длинную очередь. Ему было досадно, что придется понервничать еще минут пятнадцать, прежде чем все наконец закончится. Андроиды на контроле делали свою работу максимально быстро. Они моментально сканировали лица, сверяли их с базами данных, молниеносно вносили коды личных чипов в компьютеры и пропускали пассажиров к выходу. Но в последние годы даже они не справлялись: путешествующих становилось все больше, а очереди все длиннее.

Наконец подошла очередь Сибиряка. Как обычно, его лицо просияло широкой улыбкой – андроид сканировала мимику и осталась вполне довольна. Он приложил запястье к сканеру. Спина у Сибиряка вспотела – умная машина медлила, снова и снова просматривала данные чипа гражданина США Юрия Успенского. Когда в скальпированном черепе андроида вдруг загорелась яркая красная лампочка, Сибиряк был готов бросить сумку и бежать куда глаза глядят. Он мог бы поклясться, что прямо сейчас андроид вызывает к нему миграционную службу. Но страх оказался напрасным.

– Добро пожаловать в Ирландию, – бесцветным голосом произнесла андроид, и зеленая стрелка зажглась наконец на воротах выхода.

Сибиряк почти летел над землей, он чувствовал себя свободным и готовым на любые свершения. На секунду он подумал, что рано или поздно ему придется вернуться обратно в Штаты и проделать тот же самый путь через пограничный контроль во второй раз, но он отмахнулся от этих тревожных мыслей.

На выходе из аэропорта Сибиряк заметил Хантера с черной дорожной сумкой в руках. Он подошел немного ближе. Мужчина уже сел в заказанное такси. На секунду их взгляды встретились, но этого хватило, чтобы Сибиряк содрогнулся, заглянув в бесстрастные тусклые глаза акулы. Когда такси отъехало от остановки, Сибиряк сделал глубокий вдох. Что бы ни приготовила ему судьба, все это будет потом. А сейчас... Его встречал Дублин. Город, в котором он рассчитывал неплохо провести время и который станет отправной точкой в его путешествии к Замку.

Хантер был несказанно удивлен, когда увидел Сибиряка в аэропорту Дублина. Вдобавок ко всему, тот явно его разглядывал. Но уже в такси, немного поразмыслив, он вспомнил, что именно Сибиряк надоумил его совершить эту поездку.

«Еще один наивный человек, который собирается навестить Замок с его сумасшедшими обитателями, это прибежище горюющих», – недоумевал он. Хантер без интереса просмотрел статьи о Райане О'Коннелле, талантливом самоучке, модернизировавшем программу виртуальной реальности, чтобы «воскрешать» мертвецов. Все это казалось Хантеру игрой в дурака со слабонервными, готовыми на любой самообман, лишь бы успокоить свои мятущиеся души. Сам он был не из таких! В своей жизни он мало о чем жалел и никогда не оглядывался назад. Пока на земле жили очеловеченные андройды, которых он ненавидел так истово, что одна мысль о них вызывала в нем приступы неконтролируемой злобы, он мог смотреть только в будущее. В светлое будущее, когда он в конце концов избавит человечество от этой угрозы.

Войдя в номер пятизвездочной гостиницы, Хантер первым делом достал из сумки небольшое стальное орудие, бережно завернутое в велюровую ткань. Он разглядывал инструмент как дорогое ему существо. Хантер помнил, как мастерил топорик, прикладывал его к развернутым на столе схемам строения андроидов и так, и эдак. Небольшая, остро заточенная пластина, которая легко умещалась в ладонь и не была похожа на оружие, должна перерубать главный кабель андроида в области шеи. Хантер долго и упорно тренировался на стальном макете, который тоже изготовил сам, и когда в итоге отточил свое мастерство, впервые вышел на охоту.

Это было еще в Иллинойсе, давным-давно, но и сейчас Хантер ощущал сладкий вкус победы. В тот день на плохо освещенной улице он одним ударом прикончил первого же выслеженного им очеловеченного андроида. Вытащил из ее тела базовую плату, родоначальницу его коллекции, и с триумфом удалился. С тех пор Хантер без труда провозил свое оружие из штата в штат, никогда с ним не расставаясь.

Хантер подошел к окну и долго простоял там, любясь городом. На улице было многолюдно. Пятница, теплый вечер в ожидании скорых рождественских каникул. Толпа спешила, толпа прогуливалась, толпа стояла со стаканами перед входом в паб, толпа текла по мощеной мостовой. Она околдовывала Хантера. Ему казалось, что он высится над ними. Он – их спаситель. А люди, идущие внизу по своим ничтожным делам, даже не поднимут головы, чтобы узреть Хантера во всей красе. Его захлестывали чувства, более подходящие правителю, чем низкорослому широкоплечему мужчине средних лет, имя которого знала всего пара человек на свете. Но Хантеру было наплевать на это. Реальность его мало беспокоила – подчиненный единственной цели, взволнованный предстоящей охотой, он смотрел на город взглядом, преисполненным высокомерия.

Хантер неспешно шел в сторону набережной Лиффи. Озорной ветер то и дело забирался под рубашку, по телу пробегали мурашки, и Хантер зябко поеживался. Каждый дом был украшен к Рождеству, яркие огни, запитанные от солнечных батарей, превращали улицы в тоннели из света. Он вышел к реке.

Виртуальные проекции: десятки рыбацких шхун и барж, кельтские корабли с дубовыми мачтами и едва помещающиеся между берегами величественные римские галеры – все двигались с запада на восток, в сторону моря. Диорамы, исторические реконструкции флота, тысячи зрителей вдоль набережных провожали аплодисментами красочный парад.

Хантер смотрел как замороженный. Он облокотился на перила всем телом и встал на цыпочки, как делал это в детстве, пытаясь получше разглядеть происходящее. Наконец с его лица исчезла высокомерная гримаса, глаза загорелись любопытством, пальцы подрагивали в

такт музыке, доносившейся из ближайшего паба. Неясные воспоминания из прошлого бредили душу, но он отгонял их прочь. Он был не таким человеком, который оглядывается назад с ностальгией. О своем прошлом он не хотел вспоминать, оно рождало в нем затаенное и безысходное одиночество, чувство отрезанности от мира. С годами Хантер убедил себя, что это не мир отторгает его, но сам он встает над миром так высоко, что уже не ищет в нем ни вторую половину, ни семью, ни друзей. Чувство вынужденного одиночества было вывернуто им наизнанку, элегантно обернуто в блестящий фантик тщеславия.

И вот теперь на пару минут, околдованный представлением, он превратился в мальчика, донельзя нормального, счастливого и немного трогательного, одетого, как в маскарадный костюм, в жесткие ботинки из черной кожи, идеально отутюженные брюки, дорогой пиджак и рубашку с золотыми запонками на манжетах.

Предрождественский караван судов растянулся, насколько хватало глаз. Проекции были плотными, неотличимыми от настоящих кораблей. Деревянные наяды, высокие мачты, по которым взбирались виртуальные матросы, паруса, хлопающие на ветру. Хантер полностью погрузился в сказочную процессию и не замечал ничего вокруг, пока один из кораблей, проплывающих мимо, вдруг не покрылся неприятной пиксельной рябью. На секунду картинка восстановилась, затем снова пошла шумами, корабль задергался и исчез.

На Хантера накатил приступ ярости – его мечту неделикатно прервали в тот момент, когда он меньше всего этого ожидал. Со злостью ударив рукой по ограждению, он заставил себя успокоиться. Ярость не приводила ни к чему хорошему, и оживленная улица была неподходящим местом для ее проявления. Он потер ушибленную руку и огляделся по сторонам.

Через дорогу от набережной светился гирляндами паб с красной деревянной дверью. Но что интересовало Хантера гораздо больше пива, так это рекламный плакат на втором этаже того же дома: Санта со станцией виртуальной реальности в руках. «Доступ к рождественским дополнениям для *Play Me God* бесплатно. Первый час игры со скидкой 30%». Заманчиво.

С тех пор, как он оставил свой дом в Иллинойсе, ему ни разу не выпадало случая выйти в мир виртуальной реальности, по которому он тосковал почти физически. Дома Хантер проводил долгие часы, а то и дни, не выключая станцию: носился по комнатам, убивал слонявых монстров, ползающих по стенам, пугал себя до чертиков, прячась в шкафу от маньяков с тесаком или занимался любовью с незнакомцами в сети, прикинувшись то маленькой девочкой с косичками, то двухсоткилограммовой блондинкой в порванных чулках. Он перепробовал все возможные приложения, пока наконец не нашел то, что сделало его по-настоящему счастливым.

Play Me God – за многообещающим названием скрывалось то, что нужно было Хантеру как воздух. Выйдя в сетевую игру в первый раз, он тут же отрубил себя от остальных игроков и заблокировал все сообщения. Его виртуальная рука, окутанная божественным светом, спускает с небес плотное облако, его ноги, спрятанные под длинной белой тогой, шагают в сторону леса по росистой траве. Из-за деревьев на него удивленно таращатся глаза, мелькают головы, он слышит шепот своего будущего народа, их испуганные голоса. Народа, для которого он построит дома, затем город, а затем и весь мир. Много месяцев он целые дни проводил в игре: ловил, связывал и заволакивал на пустой пяточок земли виртуальных людишек, заставлял их работать мотыгами, пилить пилами, копать лопатами, таскать глину и строить по кирпичику свои первые жилища. Через три месяца во владении Хантера уже был виртуальный городок, где на него молились, воздвигали для него статуи и падали ниц, когда он выходил в сеть. Хантер казнил и миловал, повелевал и властвовал. Он установил себе трон, на который потратил почти все заработанные игровые деньги, восседал на нем посреди городской площади, спроецированной на простой лесной поляне около его собственного дома, смотрел, как подданные суетятся и стараются угодить ему во что бы то ни стало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.